Олег Бажанов
Взрослые сказки

Олег Бажанов

Взрослые сказки (сборник)

2016

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Бажанов О. И.

Взрослые сказки (сборник) / О. И. Бажанов — 2016

Сказки нужны даже взрослым. Без них жизнь кажется скучной и однообразной. И люди придумывают сказки, вкладывая в них свои мечты, сокровенные желания. Мои сказки называются Взрослыми, потому что они тоже выросли. А во взрослой жизни ничего не случается по щучьему велению. Но чудеса случаются. Встречаются два разных существа, два разных создания с разных планет – мужчина и женщина. И происходит чудо. Взрослые чудеса бывают со знаком «плюс» или «минус», но всё равно это чудеса. Ничего более сильного и более яркого природа не придумала. «Плюс» – «минус» два противоположных полюса, и возникает ток, движение, а движение – это жизнь. Так просто, но в этом-то и заключено главное чудо. Судьба каждого человека – целый роман, основанный на фактах, чем не сказка? Кто-то из великих сказал, что человек ищет не счастья, а гармонии.

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Бажанов О. И., 2016

Содержание

Художница и осень 6
Зима 8
Катя 9
Рассвет 14
Юля 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Олег Бажанов
Взрослые сказки (сборник)

Выражаю признательность моему другу предпринимателю Олегу Анатольевичу Жерносеку за финансовую поддержку и помощь в издании этой книги.

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© О. Бажанов, 2016

© ООО «Написано пером», 2016

Художница и осень

Он брёл по тротуару. Осень шла рядом, шурша опавшими листьями и даря осязаемое ощущение чего-то… прекрасного, что обязательно произойдёт. Вот за этим поворотом, на соседней улице, обязательно произойдёт.

Она вышла навстречу – принцесса из царства цветов и грёз. Её улыбка – ветерок, ласкающий верхушки нежных одуванчиков. В открытом взгляде – сила и мощь урагана, наполненного прекрасным именем Дарья. Но сейчас этот ураган мирно дремлет в глубине красивых глаз, в ожидании своего часа. А глаза – как отражение неба, травы и деревьев в лесных озёрах.

Он увидел её и остановился. Осень сказала: «Иди. Чего же ты…». И он подошёл.

«Здравствуй! – сказал он. – Это я звал тебя».

«Здравствуй! – ответила она. – А как ты меня узнал?»

«Осень подсказала мне».

«Осень?»

«Да. Она ведь давно знает тебя. Я видел твои картины. Осень в них очень красивая».

«Я рисовала Осень!»

«Твои работы ей понравились».

«А ты умеешь разговаривать с Осенью?»

«И с Осенью. И с Зимой. И с Летом. И с Весной. Я писатель. Если бы я не разговаривал с ними, то не написал бы ничего».

«Мне они тоже подсказывают сюжеты. Но я не слышу их голосов, просто их вижу и всё».

«Знаешь, а ведь это они позволяют тебе видеть то, чего не видят другие. Наверное, поэтому твои картины наполнены таким необыкновенным светом!»

«Они правда нравятся тебе?»

«Правда. Ничего более совершенного я не видел никогда!»

«Спасибо. Мне это очень важно знать».

«А мне очень важно видеть твои картины. И… твои глаза…»

«Странно как-то…»

«Что странно?»

«Твой голос… Ещё несколько минут назад я не знала о тебе ничего, а сейчас такое ощущение, что ты всегда был в моей жизни. Шёл рядом… Мне знаком твой голос».

«Знаешь почему?»

«Скажи».

«Это я придумал тебя».

«Как это?»

«Я увидел тебя во сне. Твои глаза, твои волосы… И написал роман с твоим именем о талантливой художнице. Мне помогла Осень. Потом, когда закрылась последняя страница книги, я понял, что … не хочу тебя отпускать».

«И ты решил меня найти?»

«Да. Мне Осень подсказала, где искать тебя».

«А сколько у тебя уже написанных романов?»

«Не много. Шесть».

«Значит, это – седьмой? И в каждом есть героиня, которую ты придумываешь?»

«Наверное, так: есть и герои, и героини. Я люблю их всех одинаково. А вот с тобой расстаться не смог».

«Почему?»

«Потому что влюбился в тебя… А, может, потому, что устал быть один».

«А в романе счастливый конец?»

«А как ты думаешь?»

«Ну, я же ещё не читала его…»

«Ошибаешься. Сейчас мы вместе с тобой идём по страницам моего романа. Мы читаем его вместе. Конечно, счастливый…»

«Ты именно так описал нашу встречу?»

«Наверное. Спроси у Осени. Она знает».

«Значит, ты всё за нас придумал. И как же мне теперь жить? Делать всё, что захочешь ты?»

«Нет. Живи, как и раньше. Я писатель, я буду писать книги. Ты художник. Ты рисуй картины. Но без одного из нас не станет и романа. Понимаешь?»

«Значит, если я сейчас уйду, твой роман не будет напечатан?»

«Да».

«А что станет с героями романа?»

«Я уже думал над этим вопросом».

«И что?»

«Вспомни, как ты жила до меня? А сейчас прислушайся к своему сердцу. Пусть голос разума помолчит. Что ты слышишь?»

«Оно бьётся. Удивительно, мне кажется, что я слышу второе сердце!»

«Это бьётся моё. Если ты уйдёшь, я не знаю, что станет с тобой. Может, тебя найдёт другой писатель. Но моё сердце со временем перестанет биться. Потому что тоскуя о тебе, я не уйду с этих страниц. А роман без тебя умрёт».

«А потом, когда роман выйдет из печати, я уже не смогу уйти?»

«Сможешь. Но тогда это будет уже совсем другое произведение».

«Значит, ты оставляешь мне свободу?»

«Конечно. Именно такой я и писал тебя! Свободной! Итак, мы вместе?»

«Согласна. А твоему роману нужны иллюстрации?»

«Ты знаешь ответ. Ещё мне нужна Муза. До нашей встречи это место часто бывало вакантным».

«Не говори так! Я максималистка и собственница! Ты знаешь».

«Знаю. Теперь это место будет только твоим…»

Поднявшийся Ураган в её глазах сверкнул одинокой молнией и успокоился. Снова улыбка качнула верхушки одуванчиков.

«Мне всё нравится», – сказала она.

«Тогда давай руку!» – улыбнулся он.

Когда они, взявшись за руки, свернули на аллею и пошли между ровными рядами высоких деревьев, их догнала Осень и весело рассмеялась хороводом закружившихся на ветру листьев…

2010 год.

Зима

Наступил январь.

Мороз на оконных стёклах рисовал свои узоры.

Она стояла с мольбертом возле окна и рисовала Зиму. Высокая, грациозная.

В комнате сухо и тепло. У неё на шее мохеровый шарф. На плечах вязаная кофта. Глаза выдают усталость.

«Тебе не лучше?» – заботливо поинтересовался он, запоминая страницу и прикрывая обложку книги.

«Температуры вроде нет, – она посмотрела в его сторону. – Уже лучше».

Он поднялся с кресла, отложив толстый фолиант в твёрдом переплёте на стол, подошёл сзади и обнял её за плечи.

«Красиво! Отдохни. Ты работаешь уже третий час».

«Ты же знаешь, я не могу не рисовать. Так я забываю о болезни».

«Да, температуры уже нет, – он коснулся губами её лба. – Хочешь чаю?»

«Сделай, пожалуйста. Горячего».

«С мёдом?» – он прикоснулся губами к её щеке, затем к шее.

«А варенье ещё осталось?» – она через плечо посмотрела на него своими большими, утомлёнными болезнью глазами. Он прочитал в них благодарность.

«Малинового уже нет. Клубничное подойдёт?»

«Клубничное? – она задержала взгляд. – Подойдёт… Знаешь, стой так! Я сейчас нарисую тебя!»

«Как?» – изумился он.

«Не двигайся!»

«Даша!..»

«Не шевелись!..»

«Снег! – улыбнулась она, подставив лицо навстречу опускающимся мягким снежинкам. – Как здорово!»

«Здорово. И красиво! – он тоже улыбнулся, потеплее укутывая её в пальто. – Не замёрзла? Как ты себя чувствуешь?»

«Хорошо, что мы вышли погулять. Мне кажется, что я уже выздоравливаю!..»

«Конечно, выздоравливаешь! Ты не имеешь права не выздороветь!»

«Почему?»

«Потому что я люблю тебя!..»

2010 год.

Катя

Владимир считал себя хорошим человеком и бизнесменом. Давно остались позади лихие 90-е с прожитой жизнью плохого парня. Чужой жизнью. Сегодня Владимира устраивало всё: жена, сын, семейный достаток, интересная работа. Ему нравилась должность заместителя генерального директора большой коммерческой фирмы. Нравились доход, яхта с внедорожником, трёхэтажный дом в хорошем месте на окраине города. А самое главное – ему нравилась его спокойная жизнь: без стрельбы, без погонь, без ночных загулов и без доступных женщин.

Нет, конечно, на работе его окружали красивые и умные женщины, но Владимир не позволял себе расслабляться. Он знал, что за мимолётным увлечением последуют переживания, разочарования, ненужные разговоры за спиной и довольно высокая вероятность того, что узнает жена. И тогда выстроенная годами цепочка жизненных ценностей может разорваться. Стоило ли за флирт даже с самой красивой девицей офиса платить такую цену?

Его же основной принцип («Главное – спокойствие») работал безотказно.

Владимир никогда не пользовался маршрутными такси. Путь до работы лежал не близкий – почти через весь город – и всегда выручал собственный внедорожник или служебный автомобиль. Но в тот день в его планы вкралось непредвиденное обстоятельство.

Владимир, как обычно, поднялся рано, посмотрел на спящую жену, заглянул в комнату десятилетнего сына, стараясь его не разбудить, умылся и спустился на первый этаж, чтобы на кухне приготовить себе завтрак. Пятнадцать лет семейной жизни наложили отпечаток на его твёрдый характер, на когда-то весёлый и буйный нрав. Всё вроде бы складывалось хорошо, но иногда тупое чувство тоски и безысходности загнанного в ловушку зверя пробивалось сквозь толстую прослойку прожитых лет. Чего-то недоставало. Глотка свежего воздуха, что ли, яркого лучика ласкового солнца, лёгкого дуновения ветерка? Тогда Владимиру начинало казаться, что он живёт не своей, какой-то простерилизованной жизнью.

Уже надев костюм, он словами: «Малыш, пора вставать! Собирай сына в школу» разбудил супругу и включил в спальне телевизор. Кинув с порога обычное: «До вечера!» прошёл в примыкающее к дому помещение гаража.

Неприятный сюрприз ждал его там: верный серебристый внедорожник стоял со спущенным задним колесом. Времени на то, чтобы переодеваться, заниматься заменой колеса на запаску, затем мыться и снова одеваться уже не оставалось – до начала совещания у генерального оставалось полтора часа. Утренняя дорога до работы занимала час. Это на машине. Но о служебном автомобиле уже не могло быть и речи – пока он приедет…

Владимир выругался про себя и стал набирать по мобильному телефону номер вызова такси. Трубка проинформировала дежурным женским голосом, что ближайший свободный транспорт будет не ранее двадцати минут. Владимир позвонил в другую фирму. Ответ последовал, что свободных машин нет. В следующей фирме – то же.

Владимир сплюнул в сердцах: «Что за город!..» и отправился на трассу ловить проезжающие маршрутки. По его расчётам, он ещё успевал к началу совещания у генерального.

ГАЗель с нужным номером маршрута на лобовом стекле не заставила себя долго ждать. Владимир поднял руку, и жёлтая металлическая коробка неуклюже затормозила у тротуарного бордюра. Прошуршав расхлябанной дверью, маршрутка разинула квадратную пасть, приглашая Владимира внутрь своего чрева.

В тускло освещённом тесном салоне оказались не занятыми два последних кресла. Согнув спину и опустив пониже голову, Владимир протиснулся по узкому проходу между мужскими и женскими ногами на одно из свободных мест.

Устроившись кое-как на узком и жёстком сиденье, осмотрелся. Разновозрастный пассажирский контингент не представлялся интересным, и Владимир стал смотреть в окно.

Он откровенно мучился две остановки, потому что кресло оказалось на редкость неудобным, в непривычно тесном замкнутом пространстве трясло и качало, а нижняя половина тела считала все ямы и рытвины, попадающиеся на дороге.

Но на третьей остановке Владимир забыл про неудобства – закрылась дверь, и он не сразу смог отвести взгляд от девушки, вошедшей в маршрутку. Она была красива молодой и здоровой красотой. Открытое лицо, почти черные волосы, свободно спадающие до талии, крепкая женственная фигура, умные тёмные глаза, ухоженные руки с длинными пальцами, сильные стройные ноги в обтягивающих джинсах – казалось, о такой женщине Владимир мечтал всегда.

Все места в салоне были заняты, и незнакомка до следующей остановки стояла у двери. Владимир порывался предложить ей своё место, но он был большой, и его кресло находилось в самом конце салона. Как смешно выглядела бы его попытка уступить своё место! Владимир, не отрывая глаз, любовался девушкой, оставаясь сидеть на месте.

Наконец освободилось кресло в середине салона, и незнакомка заняла его. Теперь Владимир мог видеть её профиль.

Он вышел вместе с ней, не доехав до своей остановки. Что-то говорил про то, что опоздал на важное совещание, но что не может её просто вот так отпустить, что она очень красивая…

Девушка смотрела на него своими большими тёмно-карими глазами и улыбалась. И эта улыбка была самой очаровательной улыбкой на свете…

Её звали Катериной. Они встречались два зимних месяца. Владимиру казалось в этот период, что вся его жизнь перевернулась, наполнилась счастьем, светом, обрела новый смысл. Он боготворил Катю.

Первые признаки того, что с ним не всегда честны, появились после встречи Нового года. Владимир отмечал этот праздник в кругу семьи. Катерина сказала, что поедет в область к матери и что они смогут созваниваться по телефону. Но все праздничные дни её трубка оказалась отключенной, и Владимир уже начал беспокоиться.

Она появилась через три дня после праздничной недели, ничего ему не объяснив и отделавшись отговоркой: «Заболела мама».

Потом её телефон перестал отвечать на его вызовы даже тогда, когда она была в городе. Их назначенные встречи срывались, и она всегда находила этому объяснение. Владимир стал думать, что в их отношениях её интересуют деньги, а не он сам. Но он, наверное, смог бы простить ей и это.

Всё открылось внезапно и больно – Катерина встречалась с другим мужчиной. Он увидел, как она танцует с ним в ресторане и как нежно её спутник целует ей руки. Ревность, раненое самолюбие и задетая гордость не оставили Владимиру времени на то, чтобы всё обдумать, прежде, чем рубить… Он, стараясь оставаться незамеченным среди гостей, подождал, когда спутник Катерины выйдет покурить на улицу, и бил того так беспощадно и жестоко, как когда-то избивал конкурентов из враждебных группировок.

Оставив стонущую жертву лежать на окровавленном снегу, Владимир возвратился в ресторан, подошёл к столику Катерины и посмотрел в её глаза. Она молчала в изумлении, не оправдывалась, не плакала, не умоляла, только смотрела на него печальными тёмно-карими глазами. Глазами, которые он любил.

Можно было поговорить. А можно было всё сломать и бросить… Он так и поступил. И ушёл. В ночь. В никуда.

Дома он появился только через два дня.

Владимир пил. Пил, потому что не мог ее забыть, хотя очень хотел забыть, вырвать из памяти, из души, из сердца, выбросить. Нет её! Умерла! Не было никогда! Очень хотел этого. Но продолжал жить в их встречах, в поцелуях, в ночах. И продолжал пить водку. Но легче не становилось. Он почти не думал о жене и сыне – они остались в другой жизни. Он хотел, он страстно желал, он жаждал встречи с Катей и думал об этом постоянно – и ведь всё зависело от него: нужно было только набрать знакомый номер и услышать её голос. Но он удерживал себя от звонка. Хотя это происходило на пределе его возможностей, на пределе тонкой ниточки когда-то сильной и крепкой воли. Катерина была нужна ему. Без неё он не дышал, не слышал, не видел, не жил. Он просто пил…

Прошло почти три года. Владимир вернулся в семью. Занял кресло генерального директора фирмы. Всё складывалось наилучшим образом. Вот только постоянно повторяющиеся приступы тупой тоски всё чаще стали посещать его. Он никому не рассказывал о них. Просто, когда становилось совсем невмоготу, доставал из ящика стола Катину фотографию и долго и неотрывно смотрел на неё. Он ничего не знал о ней. Думал, вспоминал, но найти не пытался. Владимир искал женщин, похожих на неё. Но не находил. И искал снова, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся после ухода из его жизни девушки с тёмными, как смоль, волосами.

Она написала на его электронную почту несколько строчек: «Я сейчас в больнице. Если хочешь, приезжай».

И он поехал. Поехал, не раздумывая ни минуты.

В вестибюле старого здания больницы Владимир смотрел на Катю и узнавал и не узнавал её. За три года она из девушки превратилась в настоящую молодую женщину. Даже бледный цвет лица и больничный халат не могли скрыть её красоты.

Они разговаривали не меньше часа. Потом он поехал домой, но всю дорогу и весь оставшийся вечер думал только о Кате. Он благодарил судьбу за то, что и она не забыла его.

– Я люблю её, – признался Владимир своему лучшему другу.

– Ты же всё сломал, – сказал ему друг.

– Она предала меня, – Владимир не хотел оправдываться.

– А что, если ваши отношения построить заново?

– Но она предала меня!

– Пусть она не идеальная. Пусть… Но тебе нужна лишь она?

– Нужна… Всегда была нужна.

– Понимаешь, жизнь – странная штука. Так сложилось. Возможно, при других обстоятельствах твоя Катя так бы не поступила.

– Возможно.

– Так иди к ней.

– Не могу. Она предала меня!

– Нет. Она хорошая. Только беззащитная. Вот и выживает, как может, в этом грубом и злом мире. Создай ей нормальные условия, защити, согрей, дай поверить в тебя – и она станет такой, какую ты хотел бы видеть. Все знакомые ещё будут завидовать вам. Иди к ней – лучшей женщины тебе всё равно не найти.

– Ты правда считаешь, что у нас всё ещё может получиться?

– Да. Чего ты сидишь? Иди же к ней!

– Я сейчас пойду.

– Иди!

– Нет… Лучше я напишу ей письмо.

– Первый раз вижу, что ты трусишь!..

Прежде, чем начать писать, Владимир долго сидел перед включённым компьютером и смотрел на светящийся экран. Он заново переживал все три года, которые прошли без Кати,

пропускал их через своё сердце и душу, внутри корчась от нестерпимой боли. Потом нажал первую клавишу…

«Сейчас сижу перед компьютером и думаю о тебе. За окном ночь. Ты далеко. Знаешь, то, что хочется сказать, я никогда не говорил никому в жизни, да и писем почти никому не писал. Наверное, потому, что никогда никого не любил. В юности я искал, ждал этого чувства. И не находил. Потом, став мужчиной, понял, что от болезни под названием «любовь» у меня стойкий иммунитет. Женился в 31 год потому, что есть такое слово «нужно», а одному плохо. Брак, как и ожидалось, оказался почти удачным. Сыну уже 13 лет.

Я не был святым, и кроме себя не виню никого за прожитую не лучшим образом жизнь. Но, видно, Бог существует – однажды случайно я встретил черноглазую девушку, которая показалась мне сказочной феей (или доброй ведьмой), солнечным лучиком тепла в нашей серой и сложной жизни.

Если бы я был свободен, то, наверное, сказал бы ей, держа за руки и глядя прямо в глаза:

– Знаешь, я встретил удивительную девушку. Но мои юношеские молитвы поздно дошли до небес, или Господь решил, что настала пора расплаты за грехи моей лихой молодости.

А девушка эта с волшебным именем Катя – самая лучшая на свете! Она особенная…

А я испугался. Испугался той силы, той власти, которую она имела надо мной с первого дня, с первого момента нашего знакомства. И имеет сейчас… Я думаю о ней постоянно. И не могу забыть, как ни стараюсь.

Сломать то, что ещё не построено, не сложно. Я поступил именно так. И ещё отгородился от неё холодной стеной молчания. А как существовать среди развалин, без нужных слов, без её глаз, без звука её голоса, без её смеха, улыбки только с испепеляющей жаждой желания видеть её снова…

Да, я хотел забыть, вырвать из памяти, из души, из сердца, выбросить! Очень хотел забыть. Но не было сил таких, чтобы справиться с ней. И, оставаясь наедине с собой, я живу воспоминаниями о самой замечательной девушке на свете с волшебным именем Катя. Чтобы хоть на время забыться, пытался встречаться с другими. Но ни одна из женщин не была даже чуть-чуть похожей на неё. И легче не становилось. А ведь стоило только набрать знакомый номер телефона! Но я не был уверен, смогу ли сделать её счастливой? Единственно, что я мог, это удерживать себя от звонка, от встречи с ней. Хотя я помню, когда она была рядом и я касался её руки, мир вокруг имел живые звуки, краски и запахи. Её взгляд, её улыбка, её голос – как глоток воды, глоток воздуха для меня…

Мы долго не виделись. А когда она написала, что находится в больнице, я понял, что нужен ей. И ещё понял, увидев её бледную в халатике, ясно и остро до боли, что могу потерять этот лучик солнышка навсегда! Что жизнь может не дать мне ещё одного шанса! И тут вдруг почувствовал, как та ледяная завеса, которую я сам выстраивал в наших отношениях, исчезла, растаяла. Именно в тот момент – в фойе больницы – я понял, Катя, насколько ты дорога мне! И пусть рядом с тобой я теряюсь и волнуюсь, как мальчишка, но только когда мы вместе, я живу. И это ощущение света, радости, волнения, полноты жизни даришь мне ты! И отдавать тебя кому-либо я не хочу! Ведь ты и сама всё прекрасно понимаешь. Хочу любоваться тобой, согревать тебя душевным теплом, заботиться о тебе, баловать тебя, исполнять твои капризы, защищать от невзгод. Ты можешь родить мне ребёнка, Катя? Ни одну женщину никогда я не просил об этом. Даже жену. Ты очень нужна мне, Катёнок. Прости мою глупость, мою слепоту, высокомерие и эгоизм, которые три года стояли между нами. Как музыка, мой слух ласкает твоё имя: Катя, Катенька, Катюша… Я целую его губами… Поверь, я сделаю всё, чтобы ты была счастливой, Катёнок!..»

Владимир долго стоял у металлической двери квартиры, не решаясь нажать кнопку звонка.

Она открыла дверь сама, будто почувствовав его присутствие. Она не улыбалась, не плакала, только в ожидании смотрела на него тёмно-карими глазами. Глазами, которые он так любил…

2011 год.

Рассвет

Игорю Степанову не везло в жизни. Отца он не знал. Мать, по молодости гоняясь за призрачным счастьем, оставила маленького сына на попечение бабушки. Так и рос Игорёк до седьмого класса в небольшом провинциальном городке, воспитываемый бабушкой, пока неожиданно мать не решила остепениться и вспомнить, что у неё есть почти взрослый сын и престарелая мать.

Она вернулась с обещанием больше никуда не уезжать. Игорь радовался, он, как нормальный ребёнок, скучал по материнскому теплу и ласке, но женщина, которую он увидел на четырнадцатом году своей жизни, оказалась чужой. И никакие подарки не могли сделать её роднее. Самой родной для него навсегда осталась бабушка.

Мать нашла работу. Потом выскочила неудачно замуж. Уехала. Через год снова вернулась. Уже насовсем.

Ещё через два года Игорь с троечным аттестатом закончил школу. Поступил в строительный колледж. Когда ему исполнилось восемнадцать, принесли повестку из военкомата.

Мотострелковая бригада, базирующаяся в Северо-Кавказском военном округе, оказалась не самым плохим местом службы: жизнь по распорядку, новенькая форма, регулярное трёхразовое питание, автомат Калашникова со штыком и прикладом. Миномётчик рядовой Игорь Степанов с интересом осваивал военную профессию. И даже стал подумывать о том, чтобы через год срочной службы подать рапорт на сверхсрочную.

В августе Грузия напала на Южную Осетию. И уже через три месяца после призыва ехал рядовой Степанов в полном военном снаряжении в кузове армейского «Урала» на войну. Бригадная колонна с приданными танками и бронетранспортёрами растянулась на несколько километров. «Вот это силища!» – думал Степанов.

Но поучаствовать в боевых действиях Игорю оказалось не суждено. В первую же ночёвку на Осетинской земле со стороны Грузии прилетел снаряд. Он попал в здание школы, пробив в нём огромную сквозную дыру. Погибла учительница, ночевавшая в школе. Никто из мотострелков не пострадал – бригада стояла за селом на окраине. Рядовой Степанов вместе со своим земляком Юркой Стешиным нёс службу на посту в посёлке у почты рядом со школой. Стешина отбросило ударной волной к стене, и он отделался ушибами. Игорю в плечо угодил осколок разорвавшегося снаряда. Ранение оказалось тяжёлым.

Дальше были госпиталь во Владикавказе, потом в Ростове – операция, медицинская комиссия и заключение – не годен к воинской службе. К Новому году Игорь Степанов оказался в родном городке в не совсем праздничном настроении. Его армейская карьера закончилась, не успев начаться, оставив на память ограниченную в движениях левую руку и небольшой осколок снаряда, что привёз Степанов домой в своём вещмешке.

Сразу по приезду Игорь обнаружил в квартире проживающего вместе с матерью незнакомого мужчину. Оказалось, что любимая бабуля, заменившая Игорю мать, умерла, узнав, что внук попал в госпиталь. Мать не стала сообщать о смерти бабушки, сославшись на то, что не хотела расстраивать сына.

Несколько дней Игорь не разговаривал с матерью и не выходил из своей комнаты. Новый год он встретил безработным. Через неделю пошёл искать работу. Поиски хоть чего-нибудь приносящего доход затянулись до весны. В стране нагуливал жир его величество кризис, и инвалида никто не хотел брать.

Небольшой пенсии по инвалидности, что полагалась Игорю от государства, ему хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Мать, регулярно приносившая водку для своего ухажёра-приживальца, за квартиру платила сама, не требуя денег от сына, благо, что зарплаты продавца в продуктовом коммерческом магазине на это хватало.

Так ничего и не найдя до весны и почти отчаявшись, Игорь стал по вечерам всё чаще прикладываться к бутылке, уступая настойчивым приглашениям матери и её приживальца «посидеть, поболтать». Мать частенько делила с мужчинами компанию и пила до тех пор, пока не засыпала за столом. Игорь помогал маминому ухажёру отнести её в спальню.

Заканчивался солнечный апрель, подходили майские праздники. Генка – школьный товарищ Игоря – однажды повстречал его на улице. «Сарафанное радио» небольшого городка доносило, что Генкин отец круто пошёл «в гору» на волне кризиса, ведя не совсем честный бизнес, но Игорь был рад встрече. Поговорили. Генка, узнав о трудностях, взялся помочь своему приятелю с работой. Хоть отец Геннадия и заседал в городской Думе, Игорь сомневался, что тот станет для него что-нибудь делать. Но через неделю Генка позвонил:

– Есть место сторожа на частной турбазе. Платят не много, но условия проживания будут по высшему разряду: бревенчатый дом на две комнаты с кухней, вода, электричество подведены, газ привозной, питание бесплатное. Зимой тепло. Территория большая, но в основном засажена лесом. Несколько элитных коттеджей в пару этажей да сауна с бассейном, забор высокий вокруг. Сама база стоит на берегу реки. Я там был, мне понравилось – пляж, лес сосновый вокруг, грибы, ягоды! Райское место! Рабочие по уборке территории приезжают по графику раз в неделю. Если много отдыхающих, функционирует столовая. Согласен?

– А что делать-то нужно?

– Тебе нужно будет находиться на турбазе неотлучно: принимать-провожать гостей, выдавать чистое бельё, следить за порядком, дорожки подметать. И вся эта красота всего в двадцати километрах от города. В ту сторону ходит маршрутка. Ну, как, согласен?

– А отпуск дадут? – зачем-то спросил Игорь. Он даже не поинтересовался, сколько будут платить – надоело слоняться без дела. И он был рад предложению, а спросил просто так.

– Через год отпуск получишь, – недовольно сказал Генка. – Пару недель. Соглашайся, дурная башка! Желающие на это место имеются. Еле уговорил отца тебя взять.

– База принадлежит твоему отцу? – удивился Игорь.

– Нет. Хозяин этой красоты работает в Сургуте. Нефть качает. Ну и живёт постоянно там. Просто сам он здешний, вот и приобрёл недвижимость для вложения денег. А с моим предком они дружат. Отец как бы присматривает за базой. Так я не понял, ты согласен?

– Когда нужно быть на базе? – вместо ответа поинтересовался Игорь.

– Вот прямо сейчас и собирайся. Я за тобой заеду через полчаса. Успеешь?

– Да мне собирать-то нечего: сумка с одеждой да несколько книг. Успею.

Игоря радовала возможность уехать из дома, где его уже ничего не держало.

База отдыха оказалась почти такой, как её описывал Геннадий: блестящий высокий металлический забор отгораживал участок леса в четыре с половиной гектара, за воротами открывался вид на несколько двухэтажных, сложенных из ровных аккуратно обтёсанных брёвен домов под красной черепицей, прячущихся друг от друга среди стволов высоких сосен. Внутри территории прямо у въездных ворот притулился одноэтажный деревянный домик с большими окнами. Здесь и проживал сторож.

– А где тот, что работал до меня? – поинтересовался у Генки Игорь, когда они вышли из машины под тень высоких деревьев.

– Вчера рассчитали. Слабоват оказался до спиртного, – Геннадий многозначительно посмотрел на товарища.

– Не бойся. Не подведу, – Игорь понял намёк.

Ему хватило двух часов, чтобы обойти всё хозяйство. Вместе с Геннадием Игорь сверил по описи имущество, осмотрел гараж с грузовым мотороллером внутри, сараи, сауну, коттеджи и подсобные помещения. Больше всего ему понравился совсем новый мощный

дизельный генератор, спрятанный за металлической дверью в кирпичном домике, издалека похожем на избушку без курьих ножек.

– Его в этом году приобрели, – Генка с гордостью похлопал ладонью по отливающему серебром чугунному блоку цилиндров. – Уже подключили. Смотри, здесь всё делает компьютер: нажимаешь кнопку и… – Геннадий продемонстрировал, как нужно управляться с техникой: после нажатия пальцем на экран на нём засветился дисплей со множеством значков и иностранных букв. – Ты давишь сюда и сюда, происходит запуск, и вот здесь высветятся напряжение и сила тока. Всё за тебя сделает автоматика, но можно регулировать параметры и вручную. Так что если вдруг отключится электричество, смело запускай генератор. Он с пониженным уровнем шума – никому не мешает.

– А почему отдыхающих-то нет? – огляделся Игорь.

– Через два дня начинаются майские праздники. Так что уже завтра жди гостей. Кого принимать и куда размещать – я тебя буду предупреждать. Указания будешь получать и от моего отца. Но не волнуйся, главное, чтобы на базе был порядок. И чтобы гости были довольны. По любым вопросам сначала звони мне, а уже потом моему отцу. Всё ясно? – Геннадий говорил тоном начальника, но Игорь не имел права на него за это обижаться. И он не обижался – место работы, предложенное другом, понравилось.

После скорого ужина, собранного из того, что привезли с собой, Генка уехал, сославшись на дела.

– Если что – звони! Завтра приеду рано и собаку тебе привезу для охраны, – бросил он на прощание из приоткрытого окна своего чёрного «Мерседеса».

Темнело. Одиночество не пугало. Игорь повесил на ворота замок и решил сделать обход той территории базы, что ещё не успел осмотреть. Он взял фонарик и направился в сторону реки.

К берегу вела прямая сосновая аллея. Высокие деревья, посаженные умелой рукой ещё лет сорок назад, образовывали удивительно ровный коридор. В конце аллеи песчаный берег круто обрывался, и от края обрыва начиналась пологая деревянная лестница с перилами. Она вела к самой воде. Игорь остановился возле верхней ступеньки и стал смотреть на изгиб реки, плавно несущей свои спокойные воды к далёкому южному морю, на наливающееся сумерками розоватое небо, на покрытый лесом с узкой песчаной косой противоположный берег. Наверное, таким в детстве он и представлял себе тридевятое царство из сказок, что читала на ночь бабушка…

Всплеск рыбьего хвоста вывел его из задумчивости.

– Как хорошо-то! – крикнул вдаль Игорь и снова набрал полные лёгкие пьянящего чистотой лесного воздуха с примесью запаха реки. – Как хорошо!..

Вернувшись в сторожку, Игорь открыл дверцу холодильника и проверил содержимое: колбаса, яйца, минеральная вода, масло, сыр, хлеб в целлофановом пакете – Генка оказался заботливым начальником.

Заварив на скорую руку чай из пакетика, Игорь устроился возле цветного телевизора с ощущением, что наконец-то ему повезло в жизни.

Будильник прозвенел ровно в шесть часов. За окном рассвет уже торопил начинающийся день.

Позавтракав, Игорь совершил утренний обход вверенной ему территории. Внешне всё было в порядке.

Генка приехал к восьми. Открыв заднюю дверь «Мерседеса», выпустил из салона большую овчарку. Та, по-хозяйски осмотревшись вокруг, прямиком направилась к стоящему в нескольких шагах сторожу. Игорю стало немного не по себе от размеров собаки, её зубов и выражения чёрных глаз, но он не пошевелился.

– Карина, это свой! – строго прикрикнул Геннадий.

– Я свой, – стараясь говорить спокойно, произнёс Игорь, глядя в бездонные собачьи глаза. – А тебя, значит, зовут Кариной? Хорошее имя.

Беспристрастно обнюхав Игоря, овчарка села возле его ног и стала смотреть на Геннадия, ожидая команды.

– Она тебя уже охраняет, – хохотнул Генка. – Подружитесь!

Он подошёл к Игорю и протянул руку. Друзья поздоровались. Убедившись, что хозяину ничего не угрожает, Карина оставила свой пост и потрусила по тропинке между деревьями.

– Своё хозяйство проверяет. Она здесь не в первый раз, – посмотрел ей вслед Геннадий. – Ну, пошли и мы заниматься делами!

Они вошли в открытую дверь сторожки. Поинтересовавшись, как Игорь провёл ночь, Генка достал из кармана исписанный блокнот и стал объяснять, кто в ближайшие дни приедет отдыхать. Игорь делал записи в свою толстую тетрадь.

– Главу администрации с семьёй разместишь во втором коттедже, – давал указания Генка, глядя в свой блокнот. – Они пробудут пару дней. Продукты у них свои, готовить будут сами. Следи только, чтобы мангалы были чистыми. Для всех, кто приедет с ними, откроешь третий дом. Подготовь чистое бельё. Для меня с отцом держи в готовности дом возле сауны. В него никого не впускай.

– А самый красивый коттедж для кого? – поинтересовался Игорь.

Геннадий посмотрел на него:

– Этот большой дом – хозяина. В его отсутствие туда могут входить только уборщицы. И то под твоим присмотром. Там много всяких дорогих вещей… Слушай дальше: остаётся ещё один дальний домик… – Геннадий посмотрел в блокнот и задумался. – Его держи на всякий случай про запас. Может кто-то из нужных людей подъехать. Но без моего звонка в него никого не впускай. Если гости захотят попариться, включишь сауну. И поменяй в бассейне воду. Всё понял?

– Понял, гражданин начальник! – весёлым голосом отрапортовал Игорь. Начиналась настоящая работа, и это обстоятельство не могло не радовать.

Гости стали прибывать уже к обеду. Геннадий сам выходил встречать их автомашины. Игорь только открывал и закрывал ворота, не забывая вежливо здороваться с приезжающими.

Сидящая у ворот на цепи Карина ответственно облаивала каждую въезжающую дорогую иномарку.

К вечеру собрались все, кого ожидали, и Игорь повесил на ворота замок. Гулянье началось задолго до ужина и продолжалось до глубокой ночи.

Игорь старался не попадаться отдыхающим на глаза. Покормив Карину, он прицепил к её ошейнику поводок и пошёл вдоль забора на вечерний обход территории базы. На удивление собака оказалась воспитанной и послушной. Уверенно шествуя на поводке впереди сторожа, она угадывала направление, чутко настораживая уши на долетающие громкие выкрики отдыхающих, каждый раз оборачивая к Игорю умную морду и как бы спрашивая: «Гавкнуть?».

– Тихо, тихо! – говорил он ей. – Пусть люди веселятся. У них праздник.

«А у нас?» – смотрела чёрными бездонными глазами собака.

– А у нас работа, – вздыхал Игорь. – Ничего, подожди, Карина, вот они уедут, будет и у тебя вкусное торжество.

Праздники пролетели быстро. Игорь даже не заметил, как наступила середина мая. Он втянулся в работу и совсем не тяготился обязанностями сторожа, дворника и коменданта. Все приезжающие на отдых были людьми солидными и вели себя соответственно. Даже если заказывали девочек по вызову, то тех привозили дорогие машины, а сами девчонки выглядели как фотомодели из модных журналов. Игорь уже знал по именам нескольких постоянно

посещающих вверенную ему базу жриц любви. И они при встрече всегда мило улыбались ему как старому приятелю, кидая мимолётное: «Привет, Игорёк!»

Геннадий после праздников не приезжал, звонил раз в два дня. С продуктами в конце недели присылали водителя отца. Водитель на чёрном джипе привозил чистое постельное бельё, забирал в прачечную грязное и ни о чём не спрашивал. Игорь понял, что ему доверяют.

Всё складывалось замечательно. Только приезжающие на отдых редко общались со сторожем. Лишь по необходимости: принеси, подай… Единственным другом, с которым можно было поговорить на базе, была Карина. В отсутствие гостей она свободно разгуливала по территории, чувствуя себя полной хозяйкой. Ей её работа нравилась так же, как и Игорю его. Собака признала в Игоре главного и в его присутствии характер не показывала.

Прошёл месяц, и Геннадий привёз Игорю запечатанный конверт.

– Там твоя первая зарплата, – бросил он, отдавая конверт в руки.

Игорь пересчитал деньги. Сумма была небольшой, но, учитывая то, что сторож жил на всём готовом, приемлемой.

– Обмоем? – предложил Игорь.

– При случае – в другой раз, – отказался Генка.

Благодатный, увитый зеленью июнь подходил к концу. Игорь, несмотря на плохо действующую левую руку, каждое утро чисто подметал дорожки, убирал опавшие сухие ветки из-под деревьев, поддерживал необходимый порядок. Никто из гостей на него не жаловался. Геннадий пару дней ближе к вечеру приезжал с друзьями. По возрасту все были не старше тридцати и бессовестно хвастались друг перед другом новенькими дорогими машинами. Компания шумно проводила время. Пьяный Генка каждый раз приходил в сторожку к Игорю с коньяком и водкой, но Игоря со своими друзьями не знакомил.

Во второй приезд компания друзей заявилась вместе с девчонками. После полуночи гульба набрала самую силу: база утопала в электрических огнях, громко на весь лес звучала музыка, её рёв перекрывали выкрики и смех пьяных гостей. Даже в сторожке при плотно закрытых дверях и окнах невозможно было уснуть.

Игорь взял поводок и повёл Карину к реке. Музыка доносилась до берега и мощными волнами прокатывалась по пляжу. Постояв недолго у воды, Игорь решил уже возвращаться в сторожку, и тут, в тиши повисшей музыкальной паузы, отчётливо услышал тихий плач. Он прислушался. Показалось? Игорь посмотрел на насторожившуюся собаку. Карина, навострив уши, застыла в напряжении, повернув морду по течению реки. Игорь знал, что там за кустами ивняка находится площадка для отдыха, оборудованная деревянными столиками и скамейками. И именно оттуда снова донёсся слабо различимый плач, заглушенный вновь зазвучавшей музыкой.

– Вперёд! – тихо скомандовал Игорь, и Карина натянула поводок в темноту.

Игорь зажёг фонарик и шагнул в кусты.

Прямо за ивняком на песке сидела полураздетая девушка. Возле неё стоял голый мускулистый парень – один из гостей Геннадия. Парень был пьян и, увидев выскочившую из кустов огромную собаку, от неожиданности повалился на спину.

– Помогите! – жалобно закричала девушка, заметив Игоря.

– Карина, сидеть! – приказал Игорь собаке. Та послушно уселась на песок возле ног упавшего парня, не сводя с того глаз.

– Что тут у вас? – спросил Игорь, глядя на девушку. Та попыталась встать.

– Помогите! – снова попросила она.

В этот момент Карина зарычала и ощетинилась, сделав стойку по направлению к реке. Игорь увидел, как из воды на берег входит мокрый и тоже совершенно голый мужчина.

– Ты кто такой? – мужчина застыл на границе воды и берега, заметив ощетинившуюся собаку.

– Я забираю девушку, – вместо ответа сказал Игорь и помог ей подняться.

– Лучше сам убирайся отсюда! – с угрозой в голосе прошипел мужчина и сделал шаг.

Карина зарычала громче.

– Ещё одно резкое движение, и я отпускаю собаку, – предупредил Игорь.

– Ты сторож, что ли? Мы с тобой завтра поговорим, – пообещал мужчина.

– Завтра и поговорим, – Игорь подождал, пока девушка подберёт разбросанную одежду, и пошёл вслед за ней, держа собаку за ошейник.

Шли молча. Возле домиков девушка, сказав: «Спасибо вам! Только не говорите никому!», прошмыгнула в открытую дверь ближайшего коттеджа, стараясь остаться незамеченной компанией, сидящей у костра.

Игорь посадил Карину на цепь и закрылся в сторожке. Он приготовил постель, выключил свет, лёг, закрыл глаза и постарался заснуть. Но мешала музыка, доносившаяся с улицы, и из головы не выходило происшествие на пляже. Вновь и вновь он мысленно возвращался к случившемуся и, взвешивая свои действия, оставался в уверенности, что поступил правильно.

Рано утром его разбудил громкий стук в дверь. На пороге стоял Геннадий с опухшим от спиртного и бессонной ночи лицом.

– Ты чё вчера натворил?! – Геннадий был настроен решительно. От него за метр несло перегаром.

– Это ты про девчонку на берегу? – догадался Игорь. – Помог девушке дойти до домика.

– Ты знаешь, на кого ты «наехал»? Ещё собаку грозился спустить!

– Гена, всё не так было…

Но Геннадий не дал Игорю возможности оправдаться:

– Как там было, мне уже рассказали. Ты обидел двух очень уважаемых людей. Очень уважаемых! И из-за кого? Из-за какой-то шлюхи! Проститутки!

– Она не проститутка. Я проституток знаю.

– Знает он! Я тебе говорю – проститутка!

– И что теперь?.. – не стал дальше спорить Игорь.

– А вот что теперь – я не знаю!

Гена прошёл в комнату и тяжело опустился на кровать.

– Сиди в сторожке и не показывайся никому на глаза, – произнёс он через некоторое время. – Я постараюсь гостей увезти сразу, как проснутся. Может, прокатит. Главное, чтобы у них не возникло желания с тобой разборками заниматься прямо тут.

– Что, так серьёзно?

– Не представляешь, как! – Генка повысил тон.

– Это твои друзья?

– В бизнесе друзей нет! – уже спокойно произнёс товарищ. – Понял? Это нужные люди. Иди, открой ворота, запрись в комнате и сиди тихо! Нет тебя…

Прошло три часа. Игорь через окно смотрел, как иномарки с крутыми номерами одна за другой покидают базу. На всякий случай он закрыл в сторожке Карину, и гостей никто не провожал.

Геннадий позвонил на следующий день.

– У меня для тебя плохие новости, – произнесла трубка его голосом. – Отец велел тебя уволить.

– Когда мне уходить? – Внутри всё сжалось, Игорь почувствовал спазм, подкативший к горлу. Работу терять не хотелось. И на базе он уже ко всему стал привыкать.

– Я упросил отца – можешь отработать две недели. За это время мы подберём замену. – Трубка засигналила короткими гудками.

Весь оставшийся день Игорь ходил с опущенной головой, мысленно прощаясь с высокими соснами, с уложенными брусчаткой дорожками, с красивыми домиками, с сосновой аллеей, с песчаным пляжем – со всем, что успел полюбить. Покидать это замечательное место его душа противилась. А деревья, чуть покачиваясь на ветру, поскрипывали своими, уходящими ввысь, стволами, как бы подбадривая Игоря и будто шепча ему: «Всё хорошо. Всё будет хорошо…»

– Вот, Карина, – говорил он внимательно слушавшей его овчарке, – через две недели мы с тобой расстанемся. И я больше не увижу ни тебя, ни этой сторожки, ни этих сосен…

Собака, будто разделяя его тоску, негромко заскулила и лизнула Игоря в лицо.

– И мне не хочется с тобой расставаться! – Игорь обнял овчарку за шею, и та принялась лизать его в ухо.

– Перестань! – Игорь здоровой рукой стал трепать Карину за холку. – Ты-то чего сопли распустила? У нас с тобой ещё есть две недели. Пошли службу нести.

Внешне ничего не изменилось в распорядке Игоря. Он поднимался всё также рано и до темноты наводил порядок, принимал и провожал гостей. Только Генка стал звонить лишь для того, чтобы дать очередные распоряжения.

Когда до назначенного срока увольнения осталось восемь дней, Геннадий приехал на базу на своём «Мерседесе».

– Как идёт поиск моей замены? – поинтересовался Игорь.

– Уже нашли. Через десять дней готовься сдавать дела.

– Почему через десять? Мои две недели истекают через восемь.

– Истекают. Тут вот какое дело: звонил хозяин, сказал, чтобы базу подготовили для его жены и дочки. Они приезжают как раз на десять дней. Просил, чтобы никого лишнего на базе в это время не было. Я подумал, раз ты всё тут знаешь, поработай, пока жена хозяина и дочь будут отдыхать. Расчёт получишь за все дни.

– Раз надо – поработаю, – пожал плечами Игорь. – Когда прибывают дорогие гости?

– Завтра вечером. А с утра в твоё распоряжение прибудут две бригады из клиринговой компании: одна наведёт блеск внутри домиков, другая – снаружи. К приезду хозяйки всё должно сиять! Пляж возьми под особый контроль – чтобы там ни одной соринки!.. Продукты привезут тоже завтра.

– Понял. Всё сделаем.

– Да, и сам чтобы выглядел прилично! Что это у тебя за спортивный костюм? – Геннадий с критической улыбкой оглядел Игоря. – На какой помойке нашёл?

– На «толкучке» купил! – надулся Игорь. – Китайский.

– Ладно, – примиряюще улыбнулся Генка. – У нас с тобой размер один. Завтра пришлю фирменное что-нибудь, чтобы не стыдно было тебя хозяевам показывать.

– Не надо ничего… – Игорь попробовал отказаться.

– Считай это премией тебе за хорошую работу! – не стал его слушать Геннадий. – Пошли, осмотрим завтрашний фронт работ.

К приезду хозяйки база отдыха выглядела идеально. Постарались специалисты по уборке: всё было помыто и подкрашено. Даже окна на чердаках коттеджей сияли чистотой.

Игорь в обед сводил Карину на речку, искупал её с шампунем, вычесал специальной собачьей щёткой, отчего огромная овчарка стала казаться ещё больше в размерах, а её благородная шерсть пышно лоснилась на солнце. Потом он сам принял душ и надел переданный с водителем, доставившим продукты, спортивный костюм и кроссовки. Генка не пожалел денег «на премию» и приобрёл для Игоря фирменный «Адидас».

Было ещё светло, когда за воротами пропел знакомый автомобильный сигнал. Игорь расторопно отворил ворота, и на территорию базы не спеша въехал огромный чёрный вне-

дорожник с тонированными стёклами, за ним – «Мерседес» Геннадия. При виде этих двух машин пристёгнутая на цепь Карина приветливо завиляла хвостом.

Внедорожник без остановки проследовал к хозяйскому дому, а «Мерседес» занял место на стояночной площадке возле сторожки.

Закрывая ворота, Игорь заметил, как из внедорожника первым появился отец Геннадия – крепко сбитый седеющий мужчина. Он открыл заднюю дверь салона и, подав руку, помог выйти из машины двум стройным девушкам. Затем услужливо распахнул перед ними двери коттеджа, и все трое скрылись в нём.

– А где хозяйка? – поинтересовался Игорь у подошедшего Геннадия.

– А ты что, не разглядел? – удивился Генка. – Приехала хозяйка и её пятнадцатилетняя дочь. Кстати, дочка – такая девица… – Геннадий состроил мечтательное лицо, подняв оттопыренный большой палец правой руки. – Во! Вся в мать. Я б её… Но обе с характером. Так что придётся тебе здесь перед ними попрыгать.

– Значит, попрыгаю десять дней, – усмехнулся Игорь. – А ты не упускай свой шанс, начинай ухаживать за дочкой. Глядишь, года через три станешь зятем нефтяного магната.

– Ты её мамашу не знаешь! – стал суровым Геннадий. – Такая змеюка! Никого к дочери не подпускает. Ну, увидишь сам… – Генка переменил тон на начальствующий: – Баня готова?

– Готова. Сауна нагрета. Вода в бассейне чистая, – доложил Игорь.

– Иди, растапливай мангал, а я узнаю, что приготовить.

Хозяйку и её дочь Игорь рассмотрел поближе, когда они выходили из сауны, завёрнутые в одинаковые махровые халаты. Одного роста, почти одинаково сложенные, обе светловолосые и светлоглазые, распаренные, без косметики на лицах, с мокрыми волосами, – они больше походили на двух сестёр, чем на мать и дочь. Когда хозяйки проходили мимо Игоря, раскладывающего на пышущем жаром мангале шампуры с кусками сочного мяса, тот учтиво поздоровался. Первой ответила на его приветствие дочь. Мать немного задержалась с ответом, смерив Игоря с головы до ног строгим взглядом. «Прав был Генка – они похожи! – подумал Игорь. – Дочь – красавица. А мать – очень серьёзная женщина».

Два дня на базе гостили Генка с отцом, и все два дня они окружали своими заботами хозяек. Игорю доставались лишь мелкие поручения: принести, отнести, наколоть, разжечь, убрать. Несколько раз он украдкой засматривался на хозяйскую дочь, когда та появлялась в купальнике. Природа щедро одарила пятнадцатилетнюю девушку почти оформившейся женской красотой, и контраст между детской невинностью в лице и женственной сексуальностью в фигуре притягивал мужской взгляд. Однажды, когда Игорь в очередной раз провожал глазами девушку, направлявшуюся на пляж, он наткнулся на жёсткий взгляд её матери. Ничего хорошего этот взгляд ему не сулил, и Игорь, сделав вид, что осматривает территорию, направился в обратную от пляжа сторону.

На третий день утром Генка пришёл в сторожку сообщить, что они с отцом уезжают. И настоятельно рекомендовал приятелю не маячить перед глазами хозяйки и особенно её дочери.

– Они даже меня с папанькой просили не беспокоить их до самого отъезда. Анна Викторовна сказала, что никого не хотела бы видеть. Её дочке Полине заниматься нужно – она в следующем году едет учиться заграницу. Вот так.

– Не волнуйся, сделаю всё, как надо, – пообещал Игорь.

– Ну, бывай! – Генка на прощание пожал руку. – Если что – звони!

На базе, кроме Игоря, остались только хозяйка и дочь. Карине они обе не нравились, потому что свободолюбивой овчарке почти всё время приходилось сидеть на цепи, и виновницами этого безобразия она по-собачьи справедливо считала двух чужих женщин, перед которыми все люди почему-то расшаркивались. Она даже пыталась лаять на них издалека, громко выражая своё несогласие с отсутствием свободы.

Игорь, выполняя свою работу, старался не попадать в поле зрения хозяек.

До конца дня эти две важные персоны его не тревожили. И весь день прошёл спокойно.

На следующее утро, поднявшись в шесть часов, Игорь почистил хозяйский мангал, принёс заготовленные с вечера дрова и стал заниматься делами, расписанными по плану на целый день.

Хозяйка с дочерью поднялись поздно. Вначале они позавтракали, затем сходили на речку, потом стали заниматься приготовлением обеда. После обеда они снова ходили на пляж, потом на пару часов скрылись в доме. Когда, ближе к вечеру, заслышав женский смех, Игорь выглянул в окно, увидел, что Анна Викторовна с дочерью качаются на качелях. Подходило время ужина, и стоило проверить готовность мангала возле хозяйского дома. И момент показался очень удачным – Анна Викторовна с Полиной находились на площадке по другую сторону большого коттеджа. Игорь взял в левую руку пустое ведро для золы, в правую – сумку с дровами и направился туда, где стоял фигурно выкованный мангал.

Вытряхнув золу и угли, он уже собрался уходить, когда услышал за спиной:

– Вас Игорем зовут?

Он обернулся. В нескольких шагах стояла дочь хозяйки в лёгком летнем сарафане на тоненьких бретельках. Голубые глаза смотрели открыто, на лице – приветливая улыбка.

– Игорем. А вы бы не ходили босиком, тут шишки везде острые, – позволил он себе сделать замечание, досадуя на то, что его заметили.

– А мне нравится ходить босой. А вам?

– Говорят, не ходите…

– Так вам нравится? – девушка не обращала внимания на грубость.

– По-разному, – пожал плечами Игорь. – Может, нужно чего сделать, приготовить, принести – вы не стесняйтесь, меня зовите, – он почувствовал, что ему приятно смотреть на дочь хозяйки, приятен сам разговор, но нужно было помнить о своих обязанностях.

– Мы уху хотим сварить на ужин, – ещё раз улыбнулась девушка. – Рыба свежая есть. Но её почистить нужно. Возьмётесь?

– И почищу. И сварю, – Игорь с готовностью поставил ведро с золой на землю. – Где рыба?

– В холодильнике.

– Давайте, я заберу её и у себя в сторожке почищу. У меня там специальное место есть. А варить можно и на костре. А хотите, – на газовой плите.

– Я думаю, на костре вкуснее, – рассмеялась девушка.

– Значит, сварим на костре! – даже не попытался скрыть довольную улыбку Игорь.

– Сделаем так: мы возьмём рыбу и пойдём к вам. И вы мне покажете сторожку.

«Уверенная в себе!» – подумал Игорь. А вслух спросил:

– Ваша мама не будет против? – он уже заметил неторопливо вышедшую из-за угла дома Анну Викторовну. Женщина с интересом прислушивалась к разговору молодых людей.

– Против чего? – не поняла Полина. Она стояла спиной и не могла видеть мать.

– Ну, того, что вы пойдёте со сторожем.

– Глупости какие! – хмыкнула Полина. – У меня мама самая лучшая на свете! И очень умная…

– Добрый вечер, Анна Викторовна! – поздоровался Игорь.

– Здравствуйте! – с лёгким налётом улыбки на лице поздоровалась хозяйка.

– Мамочка, мы с Игорем насчёт ухи договорились! Он нам её приготовит на костре! – бросилась навстречу матери дочь с такой радостью в голосе, будто речь шла о чём-то очень значительном.

– А мы ему поможем, – красивым голосом произнесла хозяйка, не отводя строгих глаз от молодого человека. – Мне тоже интересно посмотреть, как тут живёт персонал? Вы нам покажете свои владения, Игорь?

– Покажу, – растерялся он. – Только они ваши…

«А мама у Полины совсем не злая, – думал он, сопровождая хозяек к сторожке. – Строгая. И красивая. Особенно глаза – в душу проникают».

Учуяв женщин, дремлющая у будки Карина поднялась и приготовилась выразительно гавкнуть, но Игорь погрозил ей кулаком, и она снова улеглась на землю, напустив на морду безразличный вид.

– Воспитанная у вас собака! – сквозь лёгкий смех тепло произнесла Анна Викторовна. Из её уст это прозвучало похвалой, и Игорь почувствовал ещё большее расположение к этой женщине. Ему захотелось сделать ещё что-нибудь приятное для неё и для её дочери.

– А знаете, какая она понятливая! – он подбежал к овчарке и присел на корточки.

Хозяйки остановились и стали с интересом наблюдать, что же будет дальше.

– Карина, – обратился Игорь к поднявшей голову собаке, – если ты пообещаешь подружиться с Анной Викторовной и Полиной, я отпущу тебя с цепи.

Словно поняв его слова, овчарка подползла к Игорю на брюхе и положила голову ему на колени, глядя умными глазами на женщин.

– Понимает! – восхищённо воскликнула Полина.

Игорь отстегнул от ошейника цепь и приказал:

– Ну, иди, знакомься.

Потом посмотрел на Анну Викторовну и Полину:

– Вы только не бойтесь. Она всё понимает.

Большая овчарка легко поднялась на лапы и, чуть виляя хвостом, подошла к женщинам. Сначала она лизнула руку Полине, приведя ту в неописуемый восторг, потом подошла к Анне Викторовне и села возле её ног.

– А почему она мне не лижет руки? – удивилась хозяйка.

– Уважает, – пояснил Игорь. – Вы у неё лапу попросите.

Анна Викторовна присела на корточки и, глядя собаке в глаза, спросила:

– Ты мне лапу дашь, подруга?

Отвернув в сторону морду, овчарка подняла правую лапу. Полина громко рассмеялась, а Анна Викторовна пожала собачью лапу со словами:

– Ну, будем дружить, Карина. Какая ты у нас гордая!

Игорь, наблюдавший сцену знакомства, был очень доволен произведённым эффектом.

– Молодец, Карина! – похвалил он овчарку. – Иди, гуляй!

С благодарностью взглянув на Игоря, собака сорвалась с места и потрусила по дорожке в сторону пляжа.

– Не убежит? – проводила её взглядом поднявшаяся с земли Анна Викторовна.

– Нет, – посмотрел вслед овчарке Игорь. – Знаете, она ревнует.

– Ревнует?

– Без вас она чувствовала себя здесь хозяйкой. Вы уж извините… Собаки очень сентиментальны. Ревнует.

– А вы знаток собак?

– Я много читал о них, – Игорь взглянул на Анну Викторовну и поймал направленный на него очень внимательный взгляд.

– Вы любите книги, Игорь?

– Люблю. Когда учился в школе, много читал. Сейчас времени на это меньше, но при случае всегда беру книгу с собой.

– И что вас интересует?

– Всё. Раньше, конечно, больше увлекался боевиками и остросюжетными романами. Сейчас стала интересной история. Без прошлого нет будущего…

– А сколько вам лет?

– Девятнадцать. Скоро двадцать. А что?

– Да рассуждаете, как человек, проживший долгую жизнь.

– Бабушка у меня очень мудрая была, она и привила любовь к книгам… Но чего же мы стоим? Проходите в сторожку.

Игорь показал гостьям свой домик. Потом, кое-как отбившись от предложений помощи, принялся за рыбу. Готовить он любил. Бабушка с раннего детства приучала Игорька к самостоятельности. Её усилиями он рано научился читать и считать, стирать себе бельё, готовить. Выпотрошенные тушки рыбин Игорь положил в большую кастрюлю и залил водой из родника.

– Раз в три дня я езжу на мотороллере за пять километров отсюда, – пояснил он наблюдавшим за его действиями хозяйкам. – Там, на краю леса, на пригорке, бьёт родничок. Вода из него чистая и вкусная. Я вам чай из неё сегодня сделаю.

Поставив кастрюлю с рыбой на огонь, Игорь принялся за приготовление чая. Он принёс из сторожки в беседку у хозяйского дома пластиковую бутыль с родниковой водой. Анна Викторовна с Полиной вынесли на улицу большой старинный самовар с отливающим медью боком и поставили его на поднос. Игорь насобирал сухих сосновых шишек и разжёг чудом хорошо сохранившийся раритет. Пламя от горящих шишек поднималось на высоту надставленной металлической трубы и вырывалось из неё яркими всполохами огня с тугим подвыванием, как из сопла реактивного двигателя. Когда Игорь бросал в прожорливую трубу новые порции сухих шишек, огненное жерло проглатывало их, салютуя вылетающими в небо снопами искр. Это огненное действо в сгущающихся сумерках и тиши леса производило завораживающий эффект.

– Как красиво! – на выдохе восхищённо произнесла Полина.

– Здесь вообще красивые места, – поддержала её мать. – А сегодня такая погода – просто чудесный вечер. Спасибо вам за помощь, Игорь.

– Это моя работа, Анна Викторовна, – его тронули слова благодарности из уст строгой хозяйки.

Добавив в кастрюлю с кипящей рыбой картошку, морковь и лук, Игорь пошёл к дровнице за новыми поленьями. Вернулся к костру в сопровождении Карины. Полина тут же занялась собакой. Та великодушно позволила хозяйской дочери обращаться с собой как со щенком: приносила палочку, выполняла команды «сидеть», «лежать», подавала переднюю лапу. Полина заливалась счастливым смехом, а Карина поглядывала на Игоря с вопросом в чёрных глазах: «Сколько ещё продлятся эти детские забавы?»

Анна Викторовна, сидя на лавочке возле стены дома, смотрела на дочь и о чём-то думала.

– Уха готова! – объявил Игорь и пригласил дам.

Первой у накрытого стола оказалась Полина, за ней – Карина.

– А ты чего так преданно смотришь? – пожурил собаку Игорь. – Твой ужин будет в сторожке. Иди на место.

– Покормите Карину ухой, Игорь, – заступилась за животное подошедшая Анна Викторовна. – Она заслужила.

Овчарка, благодарно глядя на свою защитницу, энергично завиляла хвостом.

– Ну, повезло тебе! – развёл руками Игорь. – Тащи сюда свою чашку.

Карина со всех ног кинулась к сторожке и через минуту вернулась с большой алюминиевой миской в зубах.

– Ах ты, умница! – восхитилась Анна Викторовна. – Сейчас мы тебе нальём ухи погуще и чтобы без костей…

Игорь взял миску из собачьей пасти и поднёс к столу. Хозяйка, ловко орудуя черпаком, налила из кастрюли до краёв.

– Смотри, горячо! – предупредил Игорь, опуская миску на землю. – Подожди, пусть остынет. Дай я тебе туда хлеба накрошу. Фу! Нельзя!

Карина, сунув морду в горячее, улеглась возле еды, глядя грустными глазами на свой слишком медленно остывающий ужин.

– Игорь, и вы присаживайтесь с нами! – пригласила Полина.

– Да… я там, у себя… – попытался отказаться он.

– Садитесь! – распорядилась хозяйка. – Вы готовили, вам и пробу снимать.

– Благодарю, – игорь устроился с самого краю в торце стола. Испытывая невероятное стеснение, он не знал, что делать дальше. Обязанности распорядительницы взяла на себя Полина. Она бойко разлила по тарелкам уху, подала нарезанный хлеб и продекламировала по слогам:

– При-сту-пим!

Уха оказалась вкусной и заслуживала похвалы.

– Игорь, вы меня удивили! – посмотрела на него Анна Викторовна, отставляя пустую тарелку. – Вы всё умеете!

– Да не всё… – ещё больше засмущался он, чем вызвал улыбки на лицах хозяйки и её дочери.

Полина вынесла из дома пирог с клубникой. Чайную церемонию Игорь проводил сам: он разливал по чашкам заварку, доливал из самовара кипяток, резал и подавал кусочки пирога.

– Дымком попахивает! – закрыв глаза, произнесла Анна Викторовна, потянув тонкими ноздрями воздух над кружкой с чаем. – Как в детстве!..

Сгустившиеся сумерки мягко перешли в ночь, и Игорь включил освещение. В лучах электрического фонаря беседка с накрытым столом и пузатым самоваром посередине стала ещё уютнее, словно островок света среди сказочного дремучего леса.

– Прекрасный ужин, – констатировала Анна Викторовна. – И прекрасный вечер. Но, наверное, пора прибираться.

– Мама, а давай Игорю споём! – обратилась к ней Полина. Мать на несколько секунд задержала взгляд на молодом человеке, а потом неожиданно спросила:

– А что у вас с рукой, Игорь?

– Да так… осколком снаряда зацепило, – посмотрел на свою левую руку он. – Теперь вот плохо слушается.

– Где вас зацепило? – насторожилась Анна Викторовна.

– На войне… на грузинской. В прошлом году.

– Вы служили в армии?

– Три месяца. И столько же провалялся в госпитале.

– Бедный мальчик… – вырвалось у Анны Викторовны. В её глазах мелькнуло участие, но в следующую секунду женщина взяла себя в руки: – И как же вы с такой рукой управляетесь? Трудно, наверное? – теперь её голос звучал почти сухо.

– Я привык, – Игорь отвёл глаза. Он не мог себе представить, что Анна Викторовна будет его жалеть и даже петь. Для него. Но то, что произошло в следующую секунду, заставило встрепенуться – женщина вдруг запела красивым низким голосом. Почти сразу к ней присоединилась Полина. Их голоса были похожи, но раскладывались на первый и второй. Вместе получался почти профессиональный дуэт. Видно, мать и дочь часто пробовали себя

в песенном жанре. Они пели о неразделённой девичьей любви, о счастье в мечтах. И песни-то выходили грустными, но Игорю было хорошо от них.

Когда, пожелав спокойной ночи, Анна Викторовна ушла в дом, Полина вызвалась помочь Игорю убирать посуду.

Они вместе мыли тарелки и чашки под краном возле сторожки. Особенно долго им пришлось тереть закопченную на костре кастрюлю. Невозмутимая Карина, неотлучно сидевшая рядом, получала в свой адрес смешные комплименты, шутки и замечания, но продолжала ответственно охранять несерьёзную парочку. Она была выше всяческих дурачеств, потому что несла службу.

Когда всё было убрано и помыто, Игорь посмотрел на часы:

– Уже первый час. Вам пора спать, Полина.

– Во-первых, я спать не хочу! – заупрямилась девушка. – А, во-вторых, давай перейдём на «ты». Ведь ты всего на четыре года меня старше.

Ему польстило предложение девушки.

– Давай на «ты», – согласился Игорь. – А что мы будем делать?

– Ну, не знаю… – задумчиво протянула она. – Давай погуляем. Или пойдём купаться.

– Вода в реке ночью холодная, – предупредил Игорь.

– Тогда пошли просто гулять на пляж! – Полина решительно направилась к аллее.

– Карина, гулять! – Игорь, захватив в сторожке фонарик, поспешил догнать девушку.

Они спустились к самой реке и стали слушать ласкающий слух плеск воды. Полина подставила ногу набежавшей волне.

– Совсем не холодная! – посмотрела она на Игоря. – Я купаться хочу!

– Может, не стоит? Тут дно крутое и течение сильное. В темноте заплывать далеко нельзя.

– Я у берега. А ты пойдёшь со мной в воду?

– Да я плавки не захватил, – потупился Игорь.

– И я без купальника, – засмеялась девушка. – Давай сделаем так: я здесь в воду войду, а ты иди за кусты и там входи. Встретимся в реке. Ну, иди!

– Карина, остаёшься охранять Полину! – распорядился Игорь. Овчарка послушно села на песок.

Испытывая трепет от мысли, что нравившаяся ему девушка будет без купальника, Игорь зашёл за кусты, быстро скинул с себя спортивный костюм и, оставшись в одних трусах, вошёл в воду. В первый же момент холодная речная вода заставила всё внутри сжаться и остудила ненужные мысли в разгорячённой голове. Игорь решительно окунулся по шею и поплыл навстречу Полине. Плавать он мог только на спине, работая в основном ногами – плыть по-другому мешала повреждённая левая рука.

Когда из-за кустов показался берег, Игорь увидел Полину: девушка стояла по колено в воде, и на фоне серого речного берега её фигура выделялась мраморной статуэткой с белым треугольничком тонких трусиков.

– Ну, смелее! – крикнул Игорь.

– Ой! – прикрыв руками грудь, девушка ушла в воду. – Холодная! – она поплыла навстречу Игорю.

– Далеко не заплывай! – напомнил он. – Там течение сильное.

– Но ты же рядом! – Полина направилась к середине реки.

– Ты когда-нибудь слушаешься! – с раздражением бросил он, стараясь не отставать. – Нас там снесёт, а дальше берег крутой. Возвращайся. Обещаю завтра днём сплавать с тобой на другую сторону.

– Обещаешь? – Полина повернула голову.

– Обещаю.

– Ладно, возвращаемся! – она развернулась и поплыла обратно, но течение уже несло их.

Они достигли берега там, где он оказался отвесным и скользким. Повсюду чернели коряги.

– Отвернись! – потребовала Полина. – Я выхожу.

Но с первой попытки это у неё не получилось: девушка соскользнула по крутому склону обратно в реку. Если бы у Игоря действовала левая рука, то выйти из воды им не составило бы большого труда. Но он мог рассчитывать только на одну руку.

– Давай выберусь сначала я. А потом помогу тебе, – предложил он.

– Я сама! – не сдавалась дрожащая от холода девушка.

С края обрыва над их головами донёсся собачий лай.

– Всё будет нормально. Вот и Карина нас нашла, – попытался ободряюще улыбнуться Игорь. Но холодная вода уже сводила синюшной судорогой губы.

Собрав все силы, он подтянулся, одной рукой уцепившись за торчащую корягу, но дно крутого скользкого берега упрямо уходило из-под ног. Но вот правая ступня упёрлась во что-то твёрдое. Игорь смог устоять, и в следующую секунду уже был на берегу.

– Хватайся, – он нагнулся и протянул правую руку плавающей у его ног Полине.

– Нога… – простонала та. – Ой!.. Свело…

Игорь понял, что медлить нельзя.

– Руку! – это прозвучало, как приказ. – Руку давай!

Девушка больше не раздумывала – с тихим вскриком «мамочки!» она крепко ухватилась за протянутую руку обеими руками. Игорь почувствовал нагрузку и его ноги заскользили по склону. Чтобы не свалиться в воду, он сел, затем всем телом потянул девушку на себя и ощутил спиной остроту торчащих коряг, но всё ещё медленно продолжал съезжать вниз. Нестерпимая боль прорезала спину, сбивая дыхание, но он не отпускал Полину.

– Быстрее! – сквозь сжатые зубы вырвался стон.

Наконец девушке удалось ухватиться одной рукой за выступающий корень дерева, и скольжение прекратилось.

Полина лежала на боку на грязном склоне берега над самой водой, держась одной рукой за корень, а другой – за согнутую ногу. Она не шевелилась.

– Ой, как больно! – девушка плакала.

Осторожно, чтобы самому не упасть в воду, Игорь приблизился.

– Отпусти. Дай посмотрю.

– Что? – не поняла Полина.

– Ногу давай. А руку убери.

– Зачем?

– Это судорога свела мышцы. Нужно выпрямить ногу. Я тебе сейчас помогу. Но ты потерпи.

– Не надо. Пройдёт. Само… Ой!.. Мамочка!

– Мы с тобой сейчас в речку свалимся, – Игорь был непреклонен. – Я сказал убрать руку!

Полина несмело подчинилась, глядя глазами, полными страдания.

– Крепче держись за корни! – с этими словами Игорь потянул на себя согнутую ногу девушки, выпрямляя её.

Ночной берег огласился девичьим визгом. Ему вторил заливистый собачий лай с края обрыва.

– Всё… – тихо сказал Игорь. – Вот и всё. Не болит больше?

– Вроде отпустило, – притихшая Полина недоверчиво смотрела на Игоря.

– Можешь вставать? Только аккуратно, – Игорь стал подниматься по склону, стараясь не делать резких движений – спина саднила и горела. Он чувствовал, как по пояснице стекает кровь.

Полина выбралась на берег за ним, но теперь её нагота не волновала Игоря.

Их встречала радостным лаем овчарка.

– Вот это приключение! – в весёлом возбуждении тихонько воскликнула Полина, массируя стройные ноги и совсем не стесняясь присутствия мужчины. – Класс! Только мы с тобой все вымазались в грязи.

– Взгляни, пожалуйста, что у меня там, – попросил Игорь, повернувшись спиной.

– Господи! У тебя кровь, и вся кожа содрана! – воскликнула девушка, в её возгласе прозвучала неподдельная боль. – Скорее к нам на базу!

– Ничего страшного, – попытался успокоить её Игорь.

Полина по еле приметной тропинке сквозь кусты торопливо пошла вперёд, держа Игоря за руку.

– Всё будет хорошо, Игорёк! – чуть не плача, причитала она. – Это всё из-за меня!

Дура упрямая!..

На пляже их ожидал сюрприз – возле собранной и сложенной в кучу одежды стояла Анна Викторовна.

– Как это понимать? – был её первый вопрос, адресованный Игорю. Но голос с металлическими интонациями не предвещал ничего хорошего обоим любителям ночных купаний.

– Мама!.. – успела выкрикнуть Полина.

– Оденься! Бесстыдница! – прервала её Анна Викторовна, подняв с земли и швырнув в лицо дочери сарафан. – А вы, молодой человек! Что вы себе позволяете?! Я в вас ошиблась. Девочке только пятнадцать лет! Вы знаете, что я с вами сделаю?!

– Мама! – жёстко выкрикнула Полина, не собиравшаяся надевать сарафан на грязное тело. – Игорь спас меня!

Она шагнула к стоявшему с опущенной головой Игорю и повернула его спиной к матери.

– Смотри! Меня унесло течением. От холодной воды начались судороги. Если бы не Игорь, ты бы уже не разговаривала со своей глупой дочерью. Он меня вытащил. Ему самому нужна помощь!

– Что это вас так… – растерянность Анны Викторовны быстро сменилась решительностью привыкшей распоряжаться женщины. – Чего мы стоим? Быстро к нам в дом! Там аптечка и медикаменты. Быстро!

Раньше всех выполнила команду Карина, кинувшаяся со всех ног вверх по ступенькам. Остальные, подождав, пока Полина смоет в реке грязь с тела и наденет сарафан, направились следом.

– Я слышу – собака на берегу заливается. У меня как сердце почуяло! Зачем вы в такую холодную воду полезли? – отчитывала мать свою непутёвую дочь и Игоря, когда они поднимались по лестнице.

– Это всё я виновата! Игорь отговаривал, но ты же меня знаешь, – каялась Полина. – Прости, мамочка.

– Будешь теперь за парня отвечать, выдумщица!

Ополоснувшийся в душе Игорь лежал на животе под ярким светом люстры на мягкой тахте, а над его спиной колдовали феи. Боль можно было терпеть. Сейчас он был даже рад, что всё случилось именно так, как случилось. Перекись водорода и йод на открытые раны, конечно, были не самыми приятными ощущениями в жизни, но прикосновения нежных женских рук компенсировали любые муки.

– Мам, а последствий не будет: заражения или осложнений? – с тревогой спрашивала дочь.

– Грязь в раны попала. Конечно, не мешало бы сделать прививку от столбняка, – отвечала Анна Викторовна, – но у нас сейчас такой возможности нет. А так мы с тобой сделали всё, что нужно, раны обработали. Сейчас наложим повязку, а завтра отправим твоего спасителя в город в больницу.

– Анна Викторовна, – запротестовал Игорь, – не надо в больницу. И так заживёт.

– Не спорь! – отрезала хозяйка.

– А кто же на базе останется? Вам двоим нельзя…

– Позвоним, кому следует – найдут тебе временную замену, – была непреклонной Анна Викторовна.

– Да уже нашли, – проворчал Игорь. – Я тут и так работаю последние дни.

– Как это? – Анна Викторовна непонимающим взглядом уставилась на пострадавшего. – Объясни!

– Да была одна история… – Игорь в двух словах поведал о том, как помог девушке на пляже.

– Теперь меня увольняют, – закончил он свой короткий рассказ.

Мать и дочь молча переглянулись. Анна Викторовна покачала головой.

– Садись, будем тебя бинтовать, – распорядилась она.

Игорь послушно поднялся.

– Боже! – испуганный возглас взрослой женщины заставил его вздрогнуть – она смотрела широко раскрытыми глазами на кривую уродливую, отливающую синевой, борозду на его левом плече. Игорю стало не по себе, и он закрыл шрам рукой.

– Не надо стесняться своих ран, – тихо произнесла хозяйка, – они только украшают настоящих мужчин.

– А вы меня считаете настоящим? – он смотрел в её глаза и почему-то в первый раз не смущался, не хотел отводить взгляда.

– Ты это уже всем доказал, мальчик. Жаль, что вам, таким юным, приходится это доказывать. Тебе, наверное, было очень больно?

– Терпимо, – Игорь только сейчас обратил внимание на то, что Анна Викторовна давно уже перешла в обращении с ним на «ты». И он, как ребёнок, не познавший за девятнадцать лет материнской любви, всей душой потянулся к этой сильной и красивой женщине. Ему нужна была её забота, так же, как нужен был её голос, запах волос, прикосновения её нежных пальцев. Он хотел чувствовать их ещё и ещё. Он бы с удовольствием проболел очень долго, лишь бы Анна Викторовна всегда была рядом. В трудные моменты жизни Игорь никогда не вспоминал мать, потому что не помнил тепла её рук. А совсем чужая женщина дала ему это тепло, заботу, и, окружённый ими, Игорь почувствовал себя в безопасности, вспомнив, как об этом мечтал в детстве. Глядя на бинтующую его Анну Викторовну, Игорь мысленно просил Бога о том, чтобы эта женщина перестала быть чужим ему человеком. По возрасту Анна Викторовна вполне могла бы оказаться его матерью. А Полина – сестрой. Если бы такое было возможным, у него была бы счастливая семья…

– Готово! – Анна Викторовна умело заправила конец бинта под повязку. – Сейчас аккуратно вставай и иди спать. Утром я вызову машину, и мы поедем с тобой в больницу.

– Да не стоит беспокоиться, Анна Викторовна! – попробовал улыбнуться Игорь. – Пустяки – царапины! Уже почти не болят.

– Передо мной марку держать не нужно, – в уголке рта хозяйка погасила добрую улыбку. – Завтра утром вернёмся к этому разговору. А сейчас – спать!

Игорь обречённо поднялся, но прежде чем направиться к двери, посмотрел на мать и дочь.

– Уж извините – столько хлопот вам доставил. И спасибо вам. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Игорёк! – помахала рукой Полина. – Тебе спасибо! Выздоравливай!

– Ты сам-то дойдёшь? – с участием в голосе спросила Анна Викторовна.

– Конечно. Всё будет нормально.

– Тогда, спокойной ночи! – пожелала хозяйка, прикрывая за Игорем дверь.

Он вышел на крыльцо и поднял голову к небу: чёрный купол сверкал бриллиантовой россыпью.

– Спасибо тебе, Господи, за всё! – прошептал Игорь. Думая о так неожиданно появившемся в его жизни человеке, он ощутил такое огромное желание жить, что закружилась голова, и трепетно забилось сердце! От прилива радости он готов был кричать и смеяться, как ребёнок.

Глубоко вздохнув и немного успокоив бешеное биение сердца, Игорь направился в сторожку. Откуда-то сбоку из темноты вынырнула верная Карина и пристроилась рядом. Несмотря на боль в спине, Игорь, глядя на звёзды, улыбался.

Под настойчивый звон будильника тяжело поднимались веки. Игорь лежал на животе, раны давали о себе знать тянущей болью в спине. Он с трудом встал с кровати. Но выйти, мести дорожки уже не смог – каждое движение плечами вызывало дополнительную боль. Даже ходить приходилось, держа спину неестественно прямо, нагибаться не удавалось совсем.

Позавтракав, Игорь пошёл кормить Карину. Потом они вместе сделали обход территории.

Стояло раннее утро, и хозяйка с дочерью ещё спали. Проходя мимо большого дома, Игорь улыбнулся своим мыслям, припоминая весь вчерашний день. Удивительно, он совсем не испытывал волнения, когда думал о Полине, но когда перед глазами вставал образ Анны Викторовны, Игоря охватывала радость. Ему все время хотелось думать об этой удивительной женщине и очень хотелось увидеть её.

Примерно через час, будто угадав его желание, хозяйка сама без стука вошла в сторожку, где Игорь собирал на кровати бельё в стирку. При её появлении он очень смутился, вскочил, неуклюже поправляя одеяло.

– Доброе утро! – как музыка прозвучал женский голос. Игорь был сражён наповал: Анна Викторовна подобрала прямые светлые волосы в простой хвост, отчего её красивое лицо обрело черты девичьей непосредственности, а тонкая сеточка морщинок у глаз совсем не портила его. На хозяйке был надет лёгкий короткий сарафан, обтягивающий стройную фигуру и оставляющий на обозрение открытые руки, плечи, спину и сильные ноги, красоту которых Игорь оценил по достоинству ещё в день приезда. В первый момент ему показалось, что всё вокруг озарилось светом, а в комнату вошла Полина. Но стать Анны Викторовны могла дать большую фору ещё формирующейся фигуре дочери.

– Здравствуйте… – Игорь замер, стоя в неудобной позе. Его растерянность, предательски застывшая на лице, позабавила гостью. Она тихо рассмеялась. И этот мягкий, удивительно звучавший в сторожке красивый смех растопил преграды, мешающие Игорю быть собой, он расслабился и тоже улыбнулся:

– Очень рад вас видеть такой!..

– Какой? – гостья кокетливо посмотрела на него.

Игорь снова растерялся. Но заставил себя не отводить глаз:

– Очень красивой! – пьянея от правды и своей смелости, громче, чем нужно, выпалил он. Потом заговорил тише:

– В книгах написано, что во все века таким женщинам, как вы, слагались оды, для них герои шли на подвиги! Жаль, что я не писатель, не поэт и не герой.

– Спасибо за комплимент, Игорь! – Анна Викторовна стала серьёзной, в глазах мелькнула тревога. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – он уже взял себя в руки. – Обойдусь без больницы. Правда. Да вы проходите, присаживайтесь… – он придвинул гостье стул.

– Говоришь честно? – Анна Викторовна села. Её взгляд просвечивал насквозь.

– Честно. Нагибаться пока не очень удобно, но завтра-послезавтра уже смогу полностью выполнять свои обязанности. Вот увидите!

– Значит, в больницу не хочешь? – уточнила хозяйка.

– На мне всё заживёт, как на Карине! – Игорь стоял перед ней, как ученик перед учительницей. – Если что, тут аптечка у меня есть…

– Ладно. Перевязки буду делать сама, – Анна Викторовна примиряюще махнула рукой. – Ты завтракал?

– Да. Спасибо! – он с благодарностью посмотрел на хозяйку. После смерти бабушки Игорь успел отвыкнуть от того, что кому-то может быть интересно, позавтракал он или нет.

Анна Викторовна поднялась, но задержалась в дверях:

– Ты не сиди тут целый день, Игорёк. Приходи к нам. На обед у нас вчерашняя уха, и мы с Полиной тебя приглашаем. А вечером после ужина сделаем перевязку.

– Спасибо, Анна Викторовна, за заботу. Приду обязательно.

Ему почему-то совсем не хотелось её отпускать. Но женщина ушла, а Игорь опустился на стул, который ещё хранил её тепло. Вдыхая витающий в комнате запах духов, он пребывал в состоянии душевного комфорта и эйфории.

До наступления обеда Игорь выполнил только одно дело по хозяйству – перенёс грязное бельё в баню, где в передней комнате стояла стиральная машина-автомат, какими обычно пользуются частные прачечные. Заниматься стиркой он решил завтра. Тем более, что в ближайшую неделю приезда гостей на базу отдыха не ожидалось.

Несмотря на приглашение хозяйки, он решил пока не тревожить Анну Викторовну и её дочь. Но хозяйки сами отыскали его на заднем дворе за сторожкой, где Игорь заботливо пропалывал мотыгой с длинной ручкой высаженный им небольшой огородик.

– И что у тебя тут растёт? – голос Полины вывел его из сосредоточенной задумчивости. Обернувшись, он увидел и Анну Викторовну.

– А мы гадаем: куда ты подевался? – вполголоса воскликнула Анна Викторовна. – А ты, оказывается, фермерством занимаешься!

– Да у меня тут зелень разная, несколько грядок огурцов, перцы, помидоры – вот и всё моё «фермерское» хозяйство. Карину ещё забыл… – Игорь увидал выскочившую из-за угла овчарку.

– Какой ты молодец, Игорёк! – искренне восхитилась Анна Викторовна, подойдя ближе и внимательно рассматривая зелёный огород. – Всё растёт. Прямо руки у тебя золотые!

Испытывая волнение, Игорь взглянул на стоящую рядом женщину:

– Было бы желание… – он мог коснуться плечом её плеча и хотел сделать это.

– Иногда одного желания мало… – очень серьёзно посмотрела на него хозяйка, будто угадывая намерение молодого человека. И Игорь испугался своего порыва.

– А мы с мамой купаться идём, – обозначила своё присутствие Полина. – Решили тебя пригласить. Пойдёшь с нами на речку?

– Да мне пока купаться-то нельзя… – Игорь озадаченно почесал пятернёй затылок. – Если только на берегу посидеть?

– Идём, Игорёк! Идём! – Анна Викторовна взяла его за руку и потянула за собой. Он не сопротивлялся, вдруг осознав, что вот так и шёл бы за этой женщиной на край света.

На пляже мама с дочкой, скинув халаты, вошли в воду, а Игорь остался на берегу вместе с Кариной. Полина звала овчарку с собой, но та делала вид, что не горит большим желанием купаться, и на зов девушки лишь отворачивала в сторону умную породистую морду.

Начинало припекать полуденное солнце, и Игорь пожалел собаку.

– Иди, поплавай, – разрешил он, и Карина охотно пошла в реку. Почувствовав течение, сообразительное животное не стало далеко уходить от берега и скоро выскочило на песок, энергично отряхиваясь, обильно обдав Игоря брызгами.

– Эй, поаккуратней там! – адресовал он псу недовольную реплику, наблюдая, как мать и дочь, борясь с течением, уверенно плывут к противоположному безлюдному берегу.

Достигнув его, Анна Викторовна с Полиной вышли на песок и, осмотревшись, скинули верх купальников. Игорь не поверил своим глазам – дамы стали принимать солнечные ванны, что называется, топлес. Он читал о таком, но видеть ещё как-то не приходилось. У него пересохло во рту, участилось дыхание. Расстояние скрадывало конкретности, но это делало мать и дочь ещё более схожими: складывалось впечатление, что на другом берегу реки загорают две стройные девушки. Немного придя в себя, Игорь отвернулся, подумав, что нельзя так откровенно глазеть на женщин. Тем более, на жену своего работодателя. Спрятавшись под разросшимися ивами, он, бросая время от времени взгляды на противоположный берег, дождался момента, когда женщины, надев купальники, поплыли обратно, и, взяв полотенца, приготовился встречать их у самой воды.

Первой на берег ступила Анна Викторовна. Игорь потупил взгляд. У него не нашлось слов – так была она хороша и привлекательна, вышедшая из воды в открытом купальнике, не скрывающем женственные формы фигуры. За матерью вышла Полина. Ей он мог сказать комплимент, но сдержался, покосившись на Анну Викторовну. И просто подал полотенца и халаты.

– Не зря мы приобрели базу в этом месте, – надевая махровый халат в рукава, ни к кому не обращаясь, сказала Анна Викторовна. – Райский уголок! Ни на какое море ехать не нужно.

– Место не плохое, но потусоваться не с кем, – не поддержала её Полина.

– Натусуешься ещё, – проворчала мать. – Когда повзрослеешь.

На обед, по настоянию матери, накрывала на стол Полина, а Анна Викторовна с Игорем беседовали, сидя в плетёных креслах на открытой веранде дома. На хозяйке был надет китайский шёлковый халат, цвет которого шёл к её глазам. Глаза, наполненные светом летнего неба, смотрели открыто, влажные волосы рассыпались по плечам и спине. Анна Викторовна задавала Игорю вопросы про детство, про его семью, учёбу. Он отвечал сбивчиво, стараясь быть правдивым, всё ещё находясь под впечатлением увиденного на реке.

– А ты не думал о том, чтобы получить высшее образование? – спросила Анна Викторовна.

– Думал, конечно, – не соврал Игорь. – Но без денег ни в один ВУЗ не примут. А родственников у меня там нет.

– И какое принял решение?

– В смысле?

– Ну, к какому выводу ты пришёл: будешь учиться дальше?

– Хотелось бы! – безнадёжно усмехнулся Игорь. – Не получится…

– А какая профессия тебя больше всего привлекает?

Игорь задумался.

– Я хочу быть лесником. Лесным инженером, – через некоторое время произнёс он. – Беречь природу, чтобы и детям нашим что-то осталось. Лес я люблю.

– Благородное желание, – тепло улыбнулась Анна Викторовна. – Стремись. Как говорят, ничего невозможного нет.

В уверенном голосе хозяйки фраза прозвучала обнадёживающе. И Игорь, чувствуя непреодолимую тягу к этой женщине, решившись, набрал полную грудь воздуха:

– Когда слушаю вас, Анна Викторовна, мне очень хочется верить всему, что вы говорите! – голос предательски дрогнул, и Игорь тихо добавил:

– И вообще, Анна Викторовна, мне нужно сказать вам… сказать огромное спасибо!

– За что? – хозяйка улыбалась и смотрела на него понимающими глазами.

– За то… за то, что вы такая замечательная!.. – прорвалось у него. – Я никогда не знал… такую, как вы!.. – незаконченная фраза повисла в воздухе. Игорь, испугавшись своей дерзости, замолчал и спрятал взгляд.

– Милый мальчик, – Анна Викторовна стала серьёзной, но её глаза продолжали смеяться, – ты мне сейчас в любви признаёшься?

– А что особенного?! – взволнованно воскликнул Игорь и отчаянно посмотрел на Анну Викторовну. – Вы такая…

– Замечательная, – подсказала она.

– Да, – Игорь опустил глаза. – И очень хорошая.

– А ещё какая? – голос хозяйки продолжал звучать мягко, без отторжения, и Игорь снова посмотрел на неё, чтобы убедиться, можно ли говорить дальше? Глаза взрослой женщины уже не смеялись. И Игорь понял, что совершает непростительную глупость.

– Почему ты молчишь? – спросила она.

– Простите! Я не должен был вам всего этого говорить. Простите меня!

– Простить? За что?

– Я забылся и позволил себе вольность. Просто, когда я вижу вас… я волнуюсь.

– Игорёк, – Анна Викторовна снова улыбнулась, – поверь, я видела, как волнуются даже седые и влиятельные мужчины. И поверь, твоё волнение мне приятно.

– Приятно?.. – Игорь смотрел широко раскрытыми глазами. – Анна Ви…

– Поля уже накрыла стол, – она не дала ему договорить, поднялась и направилась к беседке. – Идём!

А он смотрел ей вслед, не в силах оторвать глаз от поступи богини.

Этот день остался в памяти Игоря одним светлым пятном – наполненный яркими красками, щебетаньем птиц, солнечным теплом и душевной радостью. Казалось, Анна Викторовна под разными предлогами не отпускала Игоря от себя. А он чувствовал себя таким глупым и счастливым, что не заметил, как тает день, и наступают сумерки. ОНА была рядом! И он мог дотронуться до неё рукой! Ничего большего Игорю было не нужно.

После ужина, приготовленного Анной Викторовной, подошло время перевязки. Игорь очень ждал момента, когда нежные женские пальцы прикоснутся к его спине. Пальцы прикоснулись, и по телу пробежал приятный озноб. ОНА сидела рядом, он кожей чувствовал её тепло, слышал дыхание, ощущал тонкий запах её волос, и от всего этого у него кружилась голова.

– Тебе плохо? – с тревогой в глазах спросила Анна Викторовна, и её руки, скручивающие снятую повязку, замерли.

– Нет-нет! – он яростно замотал головой. – Мне очень… хорошо. Пожалуйста, продолжайте…

– Полина, подай чистый бинт, – красивым голосом попросила хозяйка.

Когда с перевязкой было закончено, они втроём по-семейному сидели на веранде и пили чай. Игорь (между прочим) поведал хозяйкам, что в этих местах неплохо клюёт рыба, и его рассказ вызвал неподдельный интерес.

– Игорёк, организуй нам завтра рыбалку, – попросила Анна Викторовна.

– Мне только червей накопать, а удочки имеются, – с готовностью согласился Игорь. – Но вам встать пораньше придётся. Самый лучший клёв – на рассвете.

– Это для нас не проблема, – мать посмотрела на дочь. Полина в ответ кивнула головой. Анна Викторовна перевела взгляд на Игоря:

– Во сколько ты нас разбудишь?

– Чтобы не очень рано… Часиков так в пять или в шесть? – он выжидающе смотрел на хозяек.

– Давай всё-таки в шесть, – решила Анна Викторовна, переглянувшись с дочерью.

– Принято! – Игоря радовала мысль о том, что он снова может сделать что-то нужное и приятное им обеим.

Потом все вместе убирали со стола.

– Ну, до завтра, Игорёк! – Анна Викторовна проводила его до самой двери из комнаты. – Разбуди нас с Полей в шесть.

– Конечно! – посмотрев на неё с благодарностью и поборов желание прикоснуться губами к щеке, Игорь, пожелав спокойной ночи, вышел на улицу. Ночь стояла тёплой. На чёрном небе перемигивались звёзды. На востоке за лесом где-то очень высоко прогудел самолёт, оставив долгий протяжный звук.

Игорь вдруг подумал, что никогда в жизни он не чувствовал себя таким нужным и счастливым, что присутствие Анны Викторовны и Полины наполнило его жизнь смыслом и новыми, ещё не совсем понятными мироощущениями. Ощущениями, которых он раньше не знал. Особенно Анны Викторовны…

Будильник подал голос в пять. Поднявшись по звонку, Игорь успел съесть бутерброд с чаем, накопать в банку из-под кофе толстых красных червей, подготовить удочки и вёдра прежде, чем в назначенное время постучал в дверь хозяйского дома.

К его немалому удивлению, дверь открыла Полина, уже экипированная в резиновые сапоги, джинсы и рубашку с длинными рукавами, как настоящий рыбак.

– Мы почти готовы, – сказала она, пропуская Игоря в дом. – Чаю хочешь?

– Спасибо, я уже позавтракал, вежливо отказался Игорь, отыскивая глазами Анну Викторовну. – Я и в термосе чай прихватил.

– Ты у нас настоящий хозяин! – на пороге комнаты второго этажа показалась Анна Викторовна. Говорит она серьёзно или шутит, Игорь не понял, его взгляд был прикован к фигуре женщины, стройность которой подчёркивали обтягивающие джинсы и рубашка, затянутая узлом на высокой груди. Такой наряд очень шёл ей, но был мало пригоден для рыбалки.

– Доброе утро, Анна Викторовна! – не сводя глаз, поздоровался Игорь. – Если так пойдёте, вас комары съедят.

– Не волнуйся, Игорёк, – под его взглядом женщина стала спускаться по ступенькам лестницы, – у нас средство от комаров имеется. И я ещё куртку накину.

Игорь стоял и смотрел, как Анна Викторовна надевает куртку и резиновые сапоги, как причёсывает волосы у зеркала, и не хотел отводить взгляда.

– Ну, пошли уже! – нетерпеливо напомнила о цели их сборов Полина.

Они вышли под ласковые лучи утреннего солнца.

– А где Карина? – поинтересовалась Анна Викторовна.

– Я её оставил базу охранять, – пояснил Игорь.

Рыбалка удалась с первых минут. Анна Викторовна и Полина, стоя у кромки воды, буквально таскали из реки небольших серебристых рыб одну за другой. Игорь только успевал насаживать на крючки упитанных извивающихся земляных червей и подавать удочки. Мать и дочь захватил такой азарт, что, казалось, они готовы целый день провести за этим занятием. Игорь не делал различий между хозяйками, успевая перебегать вдоль берега от одной к другой, но всё же он всегда чуть дольше задерживался возле Анны Викторовны, давая советы, как держать удочку или как подсекать. В один из моментов клёва его рука почти машинально легла на талию Анны Викторовны, и Игорь не сразу убрал её. Казалось,

женщина не обратила на это внимания. Через некоторое время Игорь повторил эксперимент с рукой, трепеща и волнуясь, как ребёнок. Но и на этот раз всё прошло гладко – Анна Викторовна так была увлечена рыбалкой, что не обращала внимания ни на что другое. Игорь рискнул в третий раз. И снова повезло. Он радовался, как школьник, впервые обнявший понравившуюся одноклассницу.

Через пару часов они втроём возвращались на базу в весёлом возбуждении от удачной рыбалки. Полина несла на плече собранные удочки, а Игорь держал в руках два почти полных ведра пойманной рыбы. Причём, как ни порывалась Анна Викторовна забрать хоть одно ведро, Игорь не отдавал, глядя на женщину глазами, полными благодарности.

Потом они втроём варили уху и солили рыбу.

После обеда женщины взяли короткий отдых, а Игорь занялся наведением порядка на базе.

Вечером была плановая перевязка, ужин и чаепитие в семейной обстановке.

Поднявшись на следующее утро, Игорь ещё до завтрака вместе с Кариной сбегал к реке, туда, где на берегу росли полевые цветы. Собрав два букетика, он положил их на стол, за которым по вечерам Анна Викторовна с Полиной пили чай.

Потом, сидя у окна в сторожке, он дожидался, когда проснутся хозяйки.

Как только стрелки часов показали начало восьмого, дверь хозяйского дома отворилась, и на веранду в халатике выпорхнула босая Полина. Увидев цветы, она взяла оба букета в руки, поднесла к лицу и посмотрела в сторону сторожки. Игорь инстинктивно отпрянул за занавеску. Когда он снова выглянул, ни цветов, ни Полины на веранде уже не было.

Ближе к полудню Игорь подметал дорожки. И за этим занятием его застала Полина.

– Спасибо за цветы! – после приветствия произнесла она каким-то недовольным тоном.

– Были только полевые, – Игорь почувствовал себя неловко и ответил так, будто извиняясь за содеянное.

– Мама любит полевые. И мне понравились.

– Значит, я каждое утро буду приносить вам по букету, – успокоился Игорь.

– Спасибо. А скажи, Игорёк, кому из нас ты по-настоящему даришь цветы: мне или маме?

Этот прямой вопрос застал его врасплох. Но Игорь быстро нашёлся.

– Вы обе очень красивые. Я дарю вам цветы, как двум красивым женщинам. Одинаково.

– Ага. Я не слепая и вижу, что тебе нравится моя мама! – нотки ревности и обиды послышались в восклицании Полины. – Скажешь, не так?

– Нравится, – не стал отказываться Игорь. – Понимаешь, я ведь рос без матери. По-настоящему её у меня никогда не было. А тебе очень повезло, что Анна Викторовна – твоя мама. Она хорошая.

– Как это без матери? Она у тебя что, умерла? – голос Полины дрогнул.

– Не было, вот и всё. Меня воспитывала бабушка, – Игорь не хотел вдаваться в подробности.

– Ну… ты извини, что я так на тебя набросилась. Я не знала…

– Ничего. Всё нормально.

– Да брось ты эту свою метлу! Давай поговорим, – Полина не собиралась отступать.

Игорь подчинился. Они дошли до ближайшей лавочки и сели в тени высокой сосны.

– Я всё тебя спросить хочу, – неуверенно начала Полина, не глядя в сторону собеседника. – Только не сердись и дай слово, что ответишь.

– Смотря о чём будешь спрашивать, – он с опаской глядел на неё.

– Нет, ты дай слово, иначе я не смогу спросить. Обещаю, что ничего обидного. А потом ты сможешь меня спросить о том же.

– Хорошо, обещаю.

– Вот ты такой высокий, интересный внешне, даже то, что у тебя случилось с рукой, совсем тебя не портит… – девушка мельком взглянула на Игоря. – Скажи, у тебя уже много было девчонок?

– Это в смысле гуляли, целовались там…

– Нет. В смысле по-настоящему… женщин.

– А-а. Вот в каком смысле.

– Ты обещал ответить.

– Да не было у меня ещё женщин! – Игорь не глядел на Полину.

– Врёшь. Ни разу не было? – взвилась девушка, явно не веря ему.

– Почему тебя это так удивляет? Городок у нас небольшой, все друг друга знают. Это у вас в больших городах там с этим запросто. А у нас по-другому.

– Но у тебя девчонка перед армией была?

– Да пробовали дружить с одной. Как-то не вышло.

– И ты попыток никаких не делал больше ни с кем? – допытывалась Полина.

– Понимаешь, моя бабуля была строгих правил, и она с детских лет привила мне уважение к женщине. Поэтому взять и просто полезть под юбку первой встречной я не могу, – Игоря стала раздражать затронутая Полиной пикантная тема.

– Но тебе уже скоро двадцать лет! И ты ещё мальчик?

– Чему это ты улыбаешься?

– Так, мальчик?

– Ну… – насупился Игорь.

– Не обижайся, Игорёк! В наше время это такая редкость! – открыто и весело улыбнулась Полина.

– Ну, хватит обо мне. Расскажи, как у тебя с этим делом?

– Да не лучше, чем у тебя, – вздохнула девушка. – Была возможность несколько раз стать взрослой, но мать ведь, если узнает, убьёт!

– Она тебя любит. Не убьёт.

– Не в прямом смысле, конечно. Но у нас с ней договор. И если я его буду соблюдать, то она не пожалеет никаких денег для того, чтобы поднять меня на самый «верх». Ну, ты понимаешь…

– Понимаю.

– Я у неё одна. И она хочет, чтобы я выучилась и унаследовала семейный бизнес.

– Нефть?

– Не только. У нас много всего. Но основной доход приносит, конечно, нефть.

– А на кого ты поедешь учиться заграницу?

– В Англию? На управленца. Но это только в следующем году.

– Везёт тебе! А я хотел в институт поступить, но там конкурс, и мне такую сумму назвали, что в жизни не заработать.

– Какие твои годы? Подожди, может, всё изменится.

– Да нет. Каждому своё! – Игорь поднялся. – Пойду дорожки подметать.

– Ты не обижайся на меня, – виновато посмотрела на него Полина и тоже поднялась.

– Да за что? – улыбнулся Игорь. – Ты очень хорошая. И я очень хотел бы, чтобы у тебя в жизни всё сложилось хорошо.

– Спасибо. Я пойду. Ты только на обед не опаздывай!

– Поля! – этот возглас задержал её. – Вы так со мной нянчитесь. Я ведь простой сторож.

– Ты не простой сторож. Ты – Игорь Степанов, мой друг и мамин. Так что не опаздывай! – помахав рукой, девушка направилась по дорожке к дому.

Как в доброй сказке, дни накладывались один на другой, пролетая быстро и незаметно. Каждое утро Игорь приносил к дверям хозяйского дома два букетика полевых цветов. И очень радовался, когда Полина забирала их в дом. Он знал, что Анна Викторовна поставит цветы в высокие вазы с водой на самое видное место в комнате. Потом обязательно выйдет на веранду и помашет ему рукой.

К концу недели Игорь полностью пришёл в нормальную физическую форму. О ночном приключении на реке напоминали лишь затягивающиеся шрамы на спине. Они уже почти не болели. Но Игоря совсем не радовало то обстоятельство, что Анна Викторовна сняла с его спины повязку, и теперь он уже не ощущал по вечерам ласкового прикосновения её пальцев. Ему этого очень не хватало. Но семейные обеды и вечерние чаепития оставались в силе и даже стали своеобразной традицией в этот период. Поняв, что все попытки отказаться тщетны, Игорь теперь всегда обедал вместе с хозяйками. Они не делали между собой и им видимых различий и общались, как с равным. Он это очень ценил.

Но десять дней пролетели быстро, и до отъезда хозяек остались всего одни сутки. Игорь уже остро чувствовал предстоящее расставание и очень страдал. Ему не хотелось, чтобы Анна Викторовна уезжала. Очень не хотелось. Он даже не представлял, как будет теперь жить, не видя её глаз, не слыша голоса. И он многое хотел сказать этой красивой сильной женщине.

В тот последний вечер они втроём засиделись на веранде допоздна.

– Игорёк, когда мы приехали, я не думала, что так будет хорошо на этой базе, – сделала признание Полина. – Спасибо тебе. Я обязательно сюда приеду в следующем году. Мы с мамой приедем. Правда, мама? – Полина с надеждой посмотрела на мать.

– Конечно, приедем, дочка, – с улыбкой произнесла Анна Викторовна, – а Игорёк нас встретит. Тем более, что на следующий год нам нужен будет директор на этой базе.

– Если бы… – мечтательно и грустно протянул Игорь.

– Что-то не так? – поинтересовалась Анна Викторовна.

– Да я уже говорил… Увольняют меня после вашего отъезда.

– Никто тебя не уволит, – твёрдо бросила Анна Викторовна, взглянув на дочь. – И вообще, Игорёк, мы тут с Полиной посоветовались, ещё не поздно тебе в этом году подать документы в сельскохозяйственную академию. Учись на лесного инженера.

– Это моя мечта! – усмехнулся Игорь, не совсем ещё понимая, о чём говорит хозяйка.

– Считай, что мечты у хороших людей сбываются. Не тяни, поступай на платное отделение. Финансирование твоего обучения я беру на себя.

– Вы не шутите? – Игорь не поверил услышанному.

– Мы не шутим, Игорёк! – мягко сказал Анна Викторовна, но в её взгляде Игорь увидел такую твёрдость, что уже не сомневался в реальности намерений волевой женщины.

– А за что мне такой подарок?

– Просто так! – вступила в разговор Полина, весело рассмеявшись своей мысли.

– За доброту твою, – серьёзно сказала Анна Викторовна. – И за душу твою чистую. Я здесь так отдохнула, как не отдыхала много лет ни в какой заграница. Спасибо тебе.

– Это вам спасибо! – Игорь не находил слов, чтобы выразить свою благодарность. – Только я не могу принять от вас деньги. Простите. Поймите правильно.

– Почему? Для меня эта сумма не большая. И поверь, я зря деньгами не сорю, – Анна Викторовна смотрела на Игоря, как на равного. – В мои планы входит развитие этой базы. Я тут посчитала кое-что и решила вложить определённую сумму в строительство ресторана с танцполом, теннисного корта, закрытого зимнего бассейна и двухэтажного гостевого корпуса на десять-двенадцать номеров. Что ты об этом думаешь?

– Территория позволяет, – пожал плечами Игорь. – Только вложения потребуются не малые.

– Ты совершенно прав. Таких расходов на следующий год я не планировала. Хотя кое-что можно будет начинать и в следующем году. Основное строительство мы развернём через год. Вот тогда нам потребуются специалисты. А у тебя, Игорь, по-моему, строительное образование?

– В прошлом году я закончил строительный колледж, но поработать не успел – забрали в армию.

– Вот здесь и будешь набираться опыта. Мне нужен человек, которому я могла бы полностью доверять. Таким человеком я считаю тебя, Игорь.

Он не знал, что ответить. Чувство благодарности и признательности перебивалось чувством восхищения решительностью сидящей рядом женщины. Но оправдает ли он её доверие?

– Почему ты молчишь? – напомнила о себе Анна Викторовна.

– Не знаю, что сказать. Вы мне так доверяете?

– Я считаю тебя надёжным человеком. А разве это не так?

– Вы не ошибаетесь, Анна Викторовна. Спасибо. Теперь я за вас хоть в огонь, хоть в воду!..

– Посмотрим, – многозначительно произнесла Анна Викторовна, одарив Игоря такой жёсткой улыбкой и взглядом, что у того мурашки побежали по коже. «Какая женщина!» – Игорь отвёл глаза.

– А те деньги, что я вложу в твоё образование, Игорёк, – продолжила Анна Викторовна, – ты отработаешь, трудясь здесь с полной отдачей сил. По рукам? – Она протянула открытую ладонь.

Игорь несмело пожал руку своей благодетельницы. Рука была нежная, сухая и тёплая.

– Давайте закрепим наш деловой союз, – предложила Анна Викторовна, посмотрев на дочь. – Полиночка, детка, принеси, пожалуйста, из нашего бара коньяк и три фужера.

Полина с готовностью сорвалась с места.

А Игорь смотрел на Анну Викторовну такими глазами, что та с трудом выдержала его взгляд.

– Почему ты так смотришь?

– Не хочу, чтобы вы уезжали.

– Мне тоже жаль, Игорёк, что десять дней пролетели быстро, – откровенно призналась женщина.

– Я люблю вас! – совсем теряя голову, признался Игорь, понимая, что другого случая уже не будет.

– Я знаю, – она смотрела открыто. – Поверь, я ценю твоё отношение.

– А у вас не будет неприятностей… ну, из-за всего этого?

– Ты про моего мужа? Нет. Не будет. Весь наш бизнес на мне. Я ведь не домохозяйка, Игорёк. Официально мой муж – глава корпорации, но я – финансовый директор. И все активы оформлены на меня. Он ни шагу не делает без совета со мной.

– Вы любите его?

– Трудно сказать «да» и трудно сказать «нет». Раньше я любила его. Но столько воды утекло…

На пороге дома показалась Полина, и Анна Викторовна замолчала.

Выпив по бокалу конька, все разошлись на отдых.

Игорь долго не мог уснуть, вспоминая слова, сказанные Анной Викторовной, и то, как она их говорила. Лаская в мыслях дорогой женский образ, он не заметил, как заснул.

Игорь проснулся от прикосновения к щеке тёплой руки. Он открыл глаза. Слабый рассеянный свет предутренней зари робко проникал в незашторенное окно и игрой полутеней ложился на находящиеся в комнате предметы. Перед собой близко он увидел лицо Анны

Викторовны. Её большие добрые глаза смотрели внимательно. Сон словно рукой сняло. Игорь попытался сесть.

– Вы? – его удивлению не было предела.

– Тихо, Игорёк. Это сон, – чуть слышно одними губами произнесла Анна Викторовна. – Это твой сон. Тихо…

Она приблизила своё лицо, и её губы коснулись его губ. Платье легко соскользнуло с плеч, и Игорь понял, что под ним ничего нет.

– Это сон… – успел выдохнуть он прежде, чем в сладостном забвении упал на спину…

Когда он открыл глаза, Анны Викторовны в комнате не было.

«Неужели это сон? – не в силах поверить в реальность случившегося, подумал Игорь. – Нет, не сон…». В комнате оставался лёгкий запах духов, и постель ещё хранила тепло Анны Викторовны.

Накинув спортивный костюм, Игорь сел за стол. Не смелый, но уже набиравший силу рассвет делал комнату тёплой и уютной.

«Я самый счастливый человек на Земле!» – улыбка легла на озарённое радостью лицо Игоря. Захотелось петь. Не в силах усидеть на месте, Игорь выскочил на улицу.

На востоке светлела полоска горизонта. Лес ещё спал глубоким предутренним сном. Завидев хозяина, поднялась со своего места дремлющая возле будки Карина. Игорь великодушным жестом разрешил ей подремать ещё. Овчарка потянулась сильным телом, протяжно зевнула во всю пасть и снова улеглась, положив голову на лапы.

Подгоняемый переполнявшими его чувствами, Игорь направился к реке. Бледный свет неба всё выше поднимался над краем леса. Кое-где стали меркнуть звёзды. В высоких кронах сосен проснулся утренний ветерок, будивший деревья и первых птиц. Проходя мимо хозяйского дома, Игорь заметил, что на втором этаже в комнате Анны Викторовны горит неяркий свет. Сердце трепетно и сладостно зашлось. «Анна…» – застучало в голове. Захотелось в утренней тишине во весь голос прокричать дорогое имя.

Вобрав в лёгкие плотного предутреннего воздуха так, что от его переизбытка закружилась голова, Игорь побежал вдоль сосновой аллеи.

Остановившись у края обрыва, он стал смотреть на восток, туда, где небо уже наливалось розовым цветом. Через некоторое время оно зашлось яркими всполохами, и из-за далёкого горизонта показался край огненного исполина.

– Здравствуй, Солнце! – с мягкой радостью в голосе крикнул Игорь. – Здравствуй, новый День! Доброе утро, Земля! Здравствуй, Жизнь!..

«Каким он будет, этот день?» – понимание того, что Анна Викторовна с дочерью сегодня уезжают, отозвалось тоскливым эхом из потаённых уголков души. Перед глазами возник образ Анны Викторовны, её лицо, губы и в лёгком дуновении ветерка почудился шёпот: «Тише… Это сон…». На какое-то мгновение и лес, и река, и рассвет отошли на второй план, а всё пространство вокруг заполнило воспоминание о чём-то добром и тёплом, о том, что произошло ночью. Что это было? И было ли? Воспоминание обрело другие черты, и Игорь увидел руки Анны Викторовны, и даже ощутил их приятное прикосновение. Затем он увидел глаза. Они были так близко, что он, наверное, мог бы поцеловать их. И он безотчётно попытался сделать это…

Вставало Солнце…

2010 год.

Юля

Юля не была красавицей. Конечно, не в полном смысле этого слова. Нет, её высокая фигура, сильные стройные ноги, ровные прямые плечи, крепкие руки с длинными музыкальными пальцами, контрастная талия и рельефная грудь нравились многим представителям противоположного пола. Если бы не рост – далеко выше среднего. И ещё вот лицо… Не совсем чтобы всё лицо… Прямой лоб, красивые с поволокой карие глаза, чувственные губы. Но всё портил нос – немного длиннее нужных размеров и, наверное бы, подходивший успешному и уверенному в жизни мужчине, чем женщине. Но природа одарила Юлю именно такими чертами. И этим самым сделала так, что представителям противоположного пола после первого взгляда на лицо, крепкое телосложение и Юлин рост уже становилось всё равно, о чём мечтает эта девушка, какой у неё красивый голос, когда поёт, и какие она пишет стихи и песни. Юля ещё в школе поняла, что ей не суждено стать Золушкой и встретить прекрасного принца с хрустальной туфелькой в руках, поэтому она никогда не пользовалась косметикой, не выщипывала брови, всегда коротко стригла волосы и старалась одеваться не так, как женщина. Любимой её одеждой долгие годы оставались футболка и джинсы. На все уверения подруг, что у неё хорошая фигура, Юля отвечала лишь грустной улыбкой или отшучивалась: «Кому я нужна такая здоровая?!»

Зато ей везло на друзей. Именно на друзей, хотя и подруг возле неё всегда крутилось немало. По складу характера Юля легко сходилась на любых тусовках и с мужчинами, и с женщинами. Молодые люди принимали её «за своего парня», а девушки не видели в Юле конкурентку и тоже легко принимали её в свою компанию.

Родители дали ей музыкальное образование по классу фортепиано. Музыкальную школу Юля закончила с отличием. В восьмом классе в компании одноклассников у костра она впервые взяла в руки гитару. И с того времени у них с гитарой началась настоящая крепкая дружба, с годами переросшая в профессиональную любовь.

Первое стихотворение Юля написала в ранней юности, когда в их седьмой класс пришёл новичок Сашка Новиков. И Юля впервые познала, что такое любовь…

Но она ни взглядом, ни словом не выдала себя. Только девичья подушка одна знает, сколько было выплакано слёз за три долгих года тайной и безответной девичьей любви. И за эти три года Юля ни разу не намекнула, не дала понять Новикову, что он снится ей почти каждую ночь, что ни о ком другом она не хочет даже думать. А её возлюбленный красавец и здоровяк Сашка Новиков не стеснялся на переменах лапать девчонок из класса. Только к одной Юле он никогда не подходил, видимо, помня её крепкий удар по мячу во время игр в волейбол на уроках физкультуры. Юлины подачи даже мальчишки брали с трудом.

На выпускном вечере Сашка Новиков неожиданно пригласил Юлю на танец. Как сбивалось её дыхание, как стучало сердце, как предательски подгибались и не слушались ноги, когда её талия ощутила его тёплую руку! Ничего лучшего Юля не хотела. Только, чтобы танец никогда не кончался, чтобы Сашка был рядом. Юля хотела бы сказать ему, что это красивое платье она надела только для него, что причёску, которую не делала никогда, она сделала для него. Но тот короткий танец был единственным в её жизни. А потом Юля узнала от подруг, что Сашка на выпускном вечере выиграл спор с мальчишками. Но она простила его за это, как, наверное, простила бы и за многое другое. Только подушка приняла новую порцию слёз.

Сашка Новиков сдал экзамены в медицинский институт. Юля забрала документы из консерватории и поступила на тот же факультет вместе с Сашкой. Родители были против, но Юля настояла на своём.

Перед началом занятий семья Новиковых поехала отдыхать на море к бабушке по материнской линии и оказалась в самолёте, захваченном террористами. Сашка погиб вместе со всеми пассажирами того трагического рейса.

Юля думала, что умрёт. Но время затянуло рану, оставив на сердце рубец длиною в жизнь, и никто, кроме мамы, так и не узнал, почему Юля стала серьёзной не по годам, перестала ходить по клубам, почему перестала смотреть на мужчин и почему все её песни теперь такие грустные. Единственной её подругой оставалась гитара.

С годами Юля не смогла забыть Сашку Новикова, подспудно сравнивая любого из оказывающихся рядом коллег-мужчин со своим идеалом. Наверное, поэтому у неё так и не случилось романов за ни время учёбы в институте, ни потом.

Когда Юля уже работала врачом в городской больнице, за ней долго и упорно ухаживал заведующий отделением. Он был на десять лет старше девушки, разведён, имел учёную степень и неплохую репутацию в медицинских кругах.

Следуя зову природы, Юля уступила уговорам доктора. И они даже прожили вместе год. Больше Юля не выдержала. Она стала раздражаться по малейшему поводу. Потом уже и без повода. А доктор, уходя насовсем, сказал, что Юля не создана для семьи.

Это не правда! Юля хотела иметь семью, хотела стать верной женой, матерью… Если бы рядом был Сашка…

Через четыре года работы в больнице друзья по институту пригасили Юлю перейти работать в окружной госпиталь. Там зарплата была повыше. Также открывалась возможность надеть погоны. А это подразумевало совсем другое материальное положение. И Юля согласилась. Так началась её новая военная жизнь, и так она попала на Кавказ.

Война переместила на второй план все личные проблемы молодой одинокой женщины-доктора. В мужчинах она продолжала видеть только пациентов или коллег по работе.

Но однажды она увидела ЕГО… В первую секунду ей показался каким-то очень знакомым высокий офицер-спецназовец, неизвестно откуда и какими судьбами зашедший в её отделение. Успокоив неожиданно бешено застучавшее сердце, она испугалась своей первой реакции. Но в следующую секунду поняла, что это память сыграла злую шутку: хотя незнакомый подполковник напоминал Сашку Новикова ростом, телосложением, цветом волос, это был не он. Тогда Юля спряталась в кабинете и не выходила из него, пока рослый спецназовец не покинул этаж. Хорошо, что этот подполковник не обратил внимания на Юлю и не заметил её волнения. И никто не заметил. Но теперь она часто, сама не желая того, вспоминала случайную встречу.

Видно, правильно говорят в народе, что Бог не даёт человеку испытаний больше, чем тот может выдержать. И судьба решила не оставлять Юлю…

Под покровом ночи группа спецназа посёлок миновала спокойно. Идущий первым Александр Суханов прислушался: в оставшемся за спиной селении не подавали голос даже собаки. Тишина. Но на войне тишина обманчива. И опытные солдаты знают это. Когда идёт бой, ясно – где враги, где свои. Стреляешь ты, стреляют в тебя. А в ненадёжной тишине на чужой территории не знаешь, где враг… Восемь молодых офицеров, облачённых в камуфляж, затерялись в ночной темноте среди неприветливых гор… Неизвестность. Неизвестность – это всегда страшно. В такой тишине нервы выматываются хуже, чем в бою.

Тьма сгущалась. Группа двигалась почти на ощупь. Хорошо, что подполковнику Суханову была известна эта тропа – не раз он уже водил по ней свою группу. Казалось бы, и сейчас, темнее некуда – и так уже совсем не разглядеть неширокой горной тропки. Александр поправляет на плече автоматный ремень, а в правой руке сжимает гранату. Он готов в любой момент вырвать чеку – вдруг там впереди их ждут засада или пост охранения боевиков? Нет, всё спокойно. Александр кладёт гранату обратно в подсумок и делает глубокий выдох…

Когда рассвет коснулся горных вершин, группа Суханова уже оборудовала на невысокой сопке, нависающей над просёлочной дорогой, позиции для стрельбы. Интуиция подсказывала командиру, что боевики появятся раньше назначенного времени.

Бородатые гости долго ждать себя не заставили – их машины появились почти на полчаса раньше расписания. Первым шёл крытый американский джип «Чероки» без номерных знаков. За ним – два УАЗика со снятым брезентовым верхом кабин. В УАЗиках, кроме водителей, сидели по три вооружённых боевика. В первом армейском УАЗе Александр разглядел ручной гранатомёт.

– Снимаешь водителя джипа, – коротко приказал Суханов снайперу группы и посмотрел на лежащего рядом капитана Климова: – Ты из подствольника попробуй достать первый УАЗ с гранатомётом.

– Понял, командир, – чуть протягивая слова, отозвался крепко скроенный спецназовец.

Суханов окинул взглядом группу:

– Кладём всех разом. Потом спускаемся, зачищаем и быстро уходим. На всё про всё у нас пять минут. Огонь первым открывает снайпер. Дальше валим всех!

Бой завязался с резкого и сухого выстрела СВД. Хлёсткий, как щелчок кнута, он перетянул весь горный распадок и, отразившись эхом от ближних гор, замер над дорогой с идущими по ней машинами. Джип, свернув с колеи, уткнулся передним бампером в поднимающуюся почти вертикально стену скалы. В плотном утреннем воздухе рассыпались автоматные очереди. Вторя им, последовал глухой выстрел подствольного гранатомёта капитана Климова, и следом – взрыв на дороге. Следующий за джипом зелёный УАЗик, напоровшись на выросший перед ним фонтан земли, камней и осколков гранаты, резко остановился и получил в капот и жестяной бок несколько точных коротких автоматных очередей. Второй УАЗ, резко клюнув носом, стал сдавать назад. Из него выпрыгивали боевики, ведя на ходу огонь из автоматов и тут же падали, скошенные меткими очередями спецназовцев.

Не обращая внимания на свистящие над головой пули, Суханов со своей позиции внимательно всматривался в происходящее на дороге. За лобовым стеклом джипа он увидел силуэт сидящего справа от водителя человека и, совместив прицел автомата с грудью мишени, нажал на спуск. Укороченный Калашников дернулся короткой очередью. Суханов видел, что его пули достигли цели, пробив лобовое стекло американского джипа в нескольких местах. Второй хлёсткий выстрел снайпера выделился из оглушающего хора автоматных выстрелов. Человек в сером камуфляже вывалился на дорогу из задней двери джипа и остался лежать, подёргиваясь от попадания случайных пуль – спецназовцы щедро поливали свинцом дорогу из всех стволов.

– Не стрелять! – громко скомандовал Суханов. – Прекратить огонь!

Наступила плотная тишина, которая до звенящей боли надавила на барабанные перепонки.

– Климов в прикрытии. Остальные – вниз! – Суханов первым скатился по каменистому склону на дорогу. Группа последовала за ним.

Чуть дрогнула скала, посыпались камни. Взрыв гранаты, брошенной из-за последнего стоящего на дороге УАЗа, заставил группу упасть прямо в дорожную пыль. Осколки всё-таки задели двоих спецназовцев, оказавшихся ближе всех. Подполковник метнул ручную гранату в сторону недобитого УАЗа.

– Зачищаем! – выждав после взрыва несколько секунд, выкрикнул приказание Суханов и поднялся во весь рост. – Раненым оказать помощь.

Зазвучали редкие одинокие выстрелы.

Смахнув ладонью с лица набегающий на глаза грязный пот, Александр подошёл к уткнувшемуся носом в скалу чёрному джипу и остановился возле лежащего на земле в бурой луже мужчины. В воздухе неприятно пахло свежей кровью и ещё чем-то кислым. Суханов

поморщился и заглянул внутрь джипа. Водитель и двое в камуфляжах на заднем сиденье были мертвы. Сидящий на переднем кресле пассажир в цивильной одежде выделялся яркой арабской внешностью. Подполковник достал из кармана фотографию, полученную в штабе перед выходом группы, и убедился, что этот араб тот, который ему нужен.

Пересидев день в горах, группа Суханова ночью возвратилась на базу без потерь с двумя легко ранеными.

В город они вышли в новом спецназовском камуфляже. Оба высокие, крепкие, статные.

– В госпиталь, командир? – поинтересовался капитан Климов.

– Да. Но через магазин, – хорошее настроение и интуиция говорили подполковнику Суханову о том, что у его подчинённого, получившего осколочное ранение на ночном задании, старшего лейтенанта Андрея Сазонова, всё будет в порядке. Другой легко раненый офицер от госпитализации отказался.

С полным продуктовым запасом в большом пакете спецназовцы появились на проходной госпиталя. После предъявления документов их пропустили беспрепятственно. В здание они вошли через застеклённый главный вход и направились по уже известному маршруту. У себя за спиной они услышали знакомый голос:

– Товарищи офицеры, вы к нам?

На лестнице между этажами их догнала медицинская сестра из травматологии.

– Если вы нас ждёте, – заулыбался Климов, передавая пакет с продуктами своему командиру, – к вам!

– Только вас и ждём, – засмеялась молодая медсестра. – А то у нас посетителей не хватает!

– Мы такие – единственные! – Климов попытался ухватить невысокую хрупкую девушку за талию.

– Без рук! – взвизгнула та, выскользнув из объятий рослого спецназовца и убегая вперёд.

– Без рук, так без рук! – Климов, как арестант, покорно сложив большие ладони за широкой спиной, проследовал в отделение за миниатюрной медицинской сестрой. – Как тебя звать-то, дюймовочка?

– Света.

– А меня – Василий.

– Очень приятно!.. Халаты не забудьте надеть.

Завидуя их молодости и по-доброму улыбаясь, Суханов шёл позади с пакетом в руках.

В отделении на месте дежурной сестры вся в белом сидела худенькая девчушка с чёрными косичками и переписывала что-то из кучи отдельных бумажек в большой журнал. Увидев офицеров, она поднялась:

– Вы к кому?

– Мы во вторую… к Сазонову, – успокоил её Климов. – У нас есть разрешение от начальника госпиталя.

Девушка подала халаты и села на своё место, а спецназовцы прошли по коридору в палату номер два.

– Наверное, мы не вовремя, – Суханов с порога оглядел уже знакомое помещение. Сазонов отсутствовал.

– Не могу привыкнуть, командир, – будто прочитал его мысли Климов, – совсем недавно мы с тобой тут к лейтенанту Бортенко приходили, а теперь его уже нет. Вот, судьба-злодейка! Как это всё у неё так устроено?

Суханов молчал. Он хорошо помнил погибшего офицера, прибывшего в батальон сразу после училища. Лейтенант Бортенко имел шанс остаться в живых в том бою, но не стал маскироваться, а, заняв удобную позицию с пулемётом, нарочно вывел отряд боевиков на себя,

чтобы дать возможность взводу спецназовцев занять позиции выше на скале и укрепиться за камнями. В госпиталь лейтенанта доставили без сознания с тяжелыми ранениями. Бортенко прожил ещё сутки.

– А где наш коллега Андрюха Сазонов? – поинтересовался у лежачих Климов. – Он сегодня поступил с осколочным ранением плеча.

– На процедурах. Скоро вернётся, – ответил, читающий книгу, сосед Сазонова по палате.

– Что стоять? – недовольно проворчал в сторону Климова Суханов. – Пойдём, пройдёмся по коридору, что ли?

Офицеры вышли в длинный светлый коридор с высоким потолком.

Мимо них солдат-санитар провёз каталку с накрытым простынёй телом. Дежурная черноволосая медсестра только мельком взглянула под простыню и, уточнив у санитара фамилию умершего, села делать запись в журнал. Потом, взглянув на Суханова, зачем-то пояснила:

– Третий за сегодня.

Это было сказано так обыденно просто, что Суханов с горечью подумал: «Пообвыклись девчонки со смертью».

– А когда Сазонов вернётся с процедур? – поинтересовался Климов.

– А я откуда знаю! – дёрнула носиком худенькая девушка в белом халате. Потом добавила мягче, посмотрев на Климова:

– Может, уже скоро вернётся. Он на первом этаже.

«Этот ловелас Климов всегда нравился девушкам», – усмехнулся Суханов своим мыслям и спросил:

– А нам туда можно пройти?

– Подождите здесь! – строго отрезала дежурная медсестра.

– Девушка, милая, у нас времени в обрез! – состроил умоляющую гримасу Климов. – Нам очень нужно увидеть товарища. Можно, мы пройдём?

– Да, а мне потом Юлия Сергеевна голову оторвёт. Ждите здесь!

При упоминании имени заведующей отделением Климов решил сменить тактику:

– А где сейчас Юлия Сергеевна?

– У себя в кабинете, – ответила дежурная. – Отдыхает. Сегодня выдалась тяжёлая ночь. Операция длилась почти шесть часов. Юлия Сергеевна ассистировала профессору.

– У вашей начальницы нервы, как железные канаты. Выдюжит, – не зло пошутил Климов.

– Бросьте вы! – неожиданно возмутилась худенькая медсестра. – Нормальная она женщина и хорошая. Просто всё в себе держит. И не надо так говорить! Я бы, как она, не смогла. А все девчонки её очень уважают и любят!

– Вот это правильно! – подхватил Климов возмущённую речь медсестры и посмотрел на Суханова: – Командир, а эта девчушка – наш человек! Своих в обиду не даёт.

– Да, при вашей работе никакие нервы не выдержат, даже железные, – выразил медсестре свою точку зрения Суханов.

– А при вашей? – строгий женский голос заставил спецназовцев обернуться. В коридоре стояла высокая женщина-врач в белом халате. Суханов почему-то сразу отметил про себя фигуру, притягивающую мужской взгляд природной основательностью, и глаза незнакомки. Большие, тёмные с поволокой затаённой грусти.

– Почему здесь посторонние? – начальствующим тоном поинтересовалась женщина-врач у дежурной сестры. Суханов понял, что это и есть та самая строгая Юлия Сергеевна – заведующая отделением, о которой он много слышал. Правду разносила солдатская молва, эта женщина не производила впечатления яркой красавицы, но было в ней что-то

такое, что не отпускало взгляд: немного широкие для женской фигуры прямые плечи с очертаниями красивой линии груди создавали удивительно приятный контраст с высокой узкой талией и несколько тяжеловатыми округлыми бёдрами. Открытые руки с проступающим рельефом мышц ничуть не портили женственную притягательность фигуры. Юбка и халат невыгодно скрывали длинные сильные ноги, но это заставляло угадывать их форму. Крепкая спортивная фигура Юлии Сергеевны могла произвести впечатление на ценителя женской красоты. Во всей внешности врача – в посаженной на высокой красивой шее голове, в простой короткой причёске тёмных волос, в прямом открытом взгляде тёмно-карих глаз из-под длинных густых ресниц – чувствовались твёрдость и уверенность сильного человека. Но что больше всего удивило Суханова – это её ухоженные женственные руки с необыкновенно красивыми длинными пальцами. В другое время подполковник мог бы назвать Юлю очень интересной и даже сказать ей об этом, но сегодня он пришёл в госпиталь к боевому товарищу, в отделение, которым руководила эта женщина. Значит, она здесь начальник, а с начальством не полагается фамильярничать.

– Здравствуйте! Подполковник Суханов, – представился Александр, справившись с лёгким волнением. – Мы к Андрею Сазонову. Как он?

– В порядке, – произнесла заведующая отделением тоном, по которому Суханов понял, что говорит со специалистом.

– Добрый день, Юлия Сергеевна! – расплылся в улыбке Климов. – А вы всё также прекрасны!

– А ты бы уже сменил пластинку, Василий! – назвав Климова по имени, усмехнулась заведующая и посмотрела на Суханова. Ему её взгляд показался тёплым.

– А я что? – искренне удивился Климов. – Я как все ваши бывшие и настоящие пациенты говорю: у вас золотые руки, уважаемая Юлия Сергеевна, и сердце… Мы тут с командиром о вас только что говорили. Вы же разрешите нам повидаться с другом? Он сейчас на первом этаже на процедурах.

– Разрешаю, Василий. Он скоро вернётся, – женщина-врач снова строго посмотрела на Климова. – Если не хотите ждать здесь, можете пройти в мой кабинет.

– А чайком угостите? – Климов не терялся.

– Вася, остаёшься развлекать эту милую девушку! – приняв неожиданное для себя решение, бросил Суханов подчинённому и посмотрел на дежурную сестру: – А вы – как Сазонов вернётся – позовите меня.

Под удивлёнными взглядами Климова и чернявой медсестры подполковник направился по коридору следом за – хозяйкой отделения.

– Чаю хотите? – попыталась вернуть капитану-спецназовцу чувство реальности дежурная медсестра. – Я могу вам заварить.

– Спасибо… Не нужно… Скажите, а Юлия Сергеевна часто к себе в кабинет кого-то на чай приглашает? – посмотрел на неё широко открытыми глазами Климов.

– Да нет, не часто, – пожала плечами медсестра.

– А меня ни разу и не приглашала. А я у неё ещё в Саратове лежал после первой чеченской… И здесь успел… Кстати, меня Васей зовут…

– Я знаю…

Юлия Сергеевна уверенным шагом вошла в свой кабинет и села за рабочий стол. Суханов прошёл и по-хозяйски без лишних слов поставил стул прямо напротив так, чтобы смотреть в лицо – ему хотелось видеть её глаза. И тоже сел.

– Могу предложить кофе или чаю, – чуть улыбнувшись краями губ его самоуверенности, сказала Юлия Сергеевна.

Суханов выбрал чай. Хозяйка кабинета неспешно поднялась, достала из тумбочки заварку и чашки, потом включила электрочайник. Он следил за ней глазами.

– У меня чай только в пакетиках, – сообщила Юля Сергеевна.

– Подойдёт.

Суханов пил горячий чай и ждал, что разговор начнёт она. Но военврач молча подносила чашечку к губам, сосредоточив взгляд на одной точке на столе. А он не знал, как и с чего начать разговор. И все шутки, как назло, вылетели из головы.

А женщина, казалось, совсем забыла о присутствии в кабинете постороннего человека.

– Юлия Сергеевна, – тихо позвал Суханов.

– Что? – она подняла взгляд и, не мигая, посмотрела в глаза своими усталыми глазами. И снова Суханову показалось, что он увидел в них грусть.

– У вас была тяжёлая ночь? – спросил он.

– Непростая, – тихо ответила Юля и вздохнула, медленно отводя взор.

– У нас тоже, – он не отрывал глаз от её лица.

– Будем надеяться, что нам дадут по ордену! – грустно улыбнулась хозяйка кабинета.

– Ага, дадут, если догонят, – тоже улыбнулся Суханов. – А нам с вами не мешало бы подумать, как сегодня стресс снять.

– У вас есть предложение? – она смотрела на него уже с интересом.

– Причём очень оригинальное, – ему нравилось смотреть в эти глаза. – Давайте напьёмся!

– Напьёмся? Смело! – удивление лишь мелькнуло в её взгляде. – А как вас зовут, Суханов?

– Александром.

– Александром?.. – изумление и растерянность застыли в её больших карих глазах.

– Что с вами, Юлия Сергеевна? – такая реакция сидящей напротив женщины взволновала его. – Что случилось?

– Нет… Всё нормально, – она опустила взгляд и закрыла лицо рукой. Потом снова посмотрела на гостя. – Ну, что ж, Александр, я не против. Стресс мы обязательно сегодня снимем. Но не здесь.

– А где? – осторожно поинтересовался Суханов.

– Через час я освобожусь. У вас как со временем?

– Свободен до завтрашнего утра.

– Ну, так много времени нам не потребуется. Обещаю составить вам компанию лишь до вечера. Посидим где-нибудь.

Суханов промолчал. Его уже тянуло к этой женщине. Зацепила его чем-то строгая докторша: взглядом красивых глаз или скупой строгой улыбкой? А, может, голосом? Или своей загадочностью?

– Почему вы на меня так смотрите? – этим вопросом Юлия Сергеевна прервала ход мысли Александра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.